

к 83.3(2=411.2)6

П 53

Александр Польшкин

**«Отец»
майора
Пронина**

(Лев Овалов и его герои)

к 83.3/5-1/11.2/10
1153

Александр Полынкин

«Отец» майора Пронина

(Лев Овалов и его герои)

Издание второе, дополненное

MA287813

КР-2017

Орёл – 2015

БУКОО
Орловская областная научная
универсальная публичная
библиотека им. И.А. Бунина

УДК 82-1
ББК 84(2р)6
П 49

Александр Польшин
П 49 «Отец» майора Пронина (Лев Овалов и его герои) – Орёл: ПФ «Картуш», 2015.– 352 с.

ISBN 978-5-9708-0520-6

Эта книга – второе, расширенное и дополненное, снабжённое фотографиями издание популярного очерка о незаслуженно забытом авторе первых советских детективов, Льве Сергеевиче Овалове – отце-создателе знаменитого майора Пронина. Орловчанам будет интересно узнать также подробности о жизни и деятельности Овалова на Орловской земле и о тех, кто послужил прообразами многих персонажей писателя.

УДК 82-1
ББК 84(2р)6

На обложке рисунок И. Старосельского из рассказа «Стакан воды» (майор Пронин с таксой Чейном)

ISBN 978-5-9708-0520-6

© А.М. Польшин, 2015

Введение

В литературе случается иногда, что персонаж, придуманный автором, становится намного известнее имени создателя. Так случилось, к примеру, с Козьмой Прутковым (долгое время его принимали за настоящего автора). То же самое произошло и с первым советским сыщиком и разведчиком, майором Иваном Прониным, появившимся на свет ещё до начала Великой Отечественной войны в произведениях писателя Льва Овалова.

О Пронине стали даже распространять анекдоты, что говорило о его поистине народной популярности, а вот о Льве Сергеевиче Овалове (*настоящая фамилия его – Шаповалов – А.П.*) знают в России и на Орловщине сейчас немногие. А ведь он долгие годы считался видным советским писателем, а пять лет своей жизни (с 1918 по 1923 год) прожил в Малоархангельском уезде Орловской губернии и написал об этом бурном времени роман «Двадцатые годы».

Сергей Владимирович Шаповалов

Впрочем, имя Льва Овалова, кажется, понемногу возвращается к читателю, свидетельством чего являются переизданные после некоторого перерыва книги о знаменитом сыщике и документальный фильм «Последнее дело майора Пронина», прошедший по телеканалу «Россия-1» в феврале 2013 года, а затем несколько раз повторенный.

Лев Сергеевич любил Орловщину, и хотя после своего отъезда в Москву в 1923 году в наших краях бывал он редко, но свой писательский архив завещал передать в фонды музея И.С. Тургенева. Именно здесь хранятся его рукописи, письма, книги и другие документы.

Сергей Шаповалов – отец писателя

Среди них – несколько набросков, в которых речь идёт об отце писателя, Сергее Владимировиче Шаповалове.

Прочитую один: *«Перед каждым человеком в начале его жизни предстаёт идеал, способный его вдохновлять. Большое счастье, если таким идеалом бывает твой собственный отец. Мой отец, Сергей Вла-*

димирович Шаповалов, родился в 1879 году, жизни ему было отпущено 35 лет...»

Появился на свет отец писателя в многодетной (10 сыновей и дочерей) семье мелкопоместного московского дворянина Владимира Константиновича Шаповалова. Практически все дети в ней получили высшее образование (медицинское или юридическое).

Сергей Владимирович Шаповалов стал юристом. Некоторое время работал присяжным поверенным в Москве у адвоката Колесова, женился на Софье Тверитиновой, дочери известного московского врача. Родились

дети – Лев (в 1905 году) и Дмитрий (в 1907 году). Когда Сергею Шаповалову предложили

хорошую должность на государственной службе в Калуге, он без раздумий согласился.

Софья Николаевна Шаповалова, жена Сергея Владимировича, мама Льва Овалова

В Москве у молодой семьи не было собственнo-го жилья, а в губернском центре они купили небольшой домик (5 комнат), из которого каждое утро уходил на работу старший нотариус Сергей Шаповалов. В Калуге, по воспоминаниям Льва Сергеевича Овалова, наступило для их небольшой семьи

самое счастливое время. Папа и мама любили друг друга и детей, которые – в свою очередь – обожали родителей. Сергей Шаповалов, наверное, не обладал какими-то особо выдающимися способностями, но он был (все окружающие

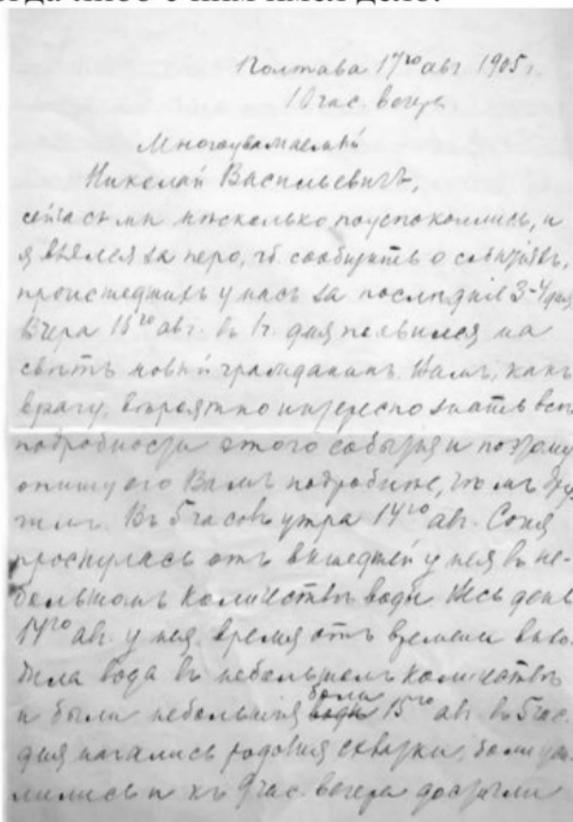
знали и ценили это) чрезвычайно совестливым и порядочным человеком. Знакомые считали честью пожать ему руку, а он сам ни одному негодяю руки не подал.

Возможно, в силу своей исключительной порядочности, Сергей Шаповалов и ушёл на фронт вскоре после начала Первой Мировой войны, хотя вполне мог остаться в тылу. Он, как офицер запаса, прошедший военные сборы, был отправлен в 224-й пехотный Юхновский полк, который из второго эшелона двинулся на пополнение 1-й армии генерала Ренненкампа.

В 20-х числах октября 1914 года на участке Северо-Западного фронта, где занимал позиции 224-й пехотный полк, противники вели позиционную борьбу. Она предшествовала начавшейся вскоре крупной Лодзинской операции. Но поручику Шаповалову не удалось дожить до неё. Его непосредственное участие в боевых схватках Первой Мировой войны продлилось всего пять дней. И, прежде чем я расскажу, читатель, о трагической смерти Сергея Шаповалова, прочти несколько его писем, сохра-

«Отец» майора Пронина

нивших, спустя 100 лет, дух и чувства замечательного человека и оставившего добрую память в сердцах его жены, сыновей и всех, кто когда-либо с ним имел дело.

Почтава 17го авг. 1905 г.
10 час. вечера.

Многоуважаемый
Николай Васильевич,
сейчас я как лютельско поспешно пишу, и
я влезла в перо, чтоб сообщить о сыночке,
приславшая у нас за последний 3-4 часа
была 15го авг. в 7 часов вечера на
свете любви гражданина. Нам, как
враню, враздано и предположить все
подробности этого события и поэтому
опису его Вам подробно, то же ду-
таю. В 5 часов утра 14го авг. Сова
проснулась от внезапной у нас в не-
большой каменной ванне. Мы до
14го авг. у нас. Врежь отъ времени вато-
дела вода в небольшой каменной
и были небольшие ванны 15го авг. в 5 час.
диз ладился родились сыночек, даму
ишлось и в 9 час. вечера дошли

Письмо С.В. Шаповалова тестю, Н.В.Тверитинову,
о рождении сына Льва

*Письмо Сергея Владимировича Шаповалова
тестю, Николаю Васильевичу Тверитинову,
о рождении сына Льва и опасениях по поводу
тяжёлых родов жены Софьи*

*Полтава, 17-го августа 1905 года,
10 часов вечера*

Многоуважаемый Николай Васильевич, сейчас мы несколько успокоились, и я взялся за перо, чтобы сообщить о событиях, происшедших у нас за последние 3-4 дня.

Вчера, 16 августа, в 1 час дня (по новому стилю – 29 августа – А.П.) появился на свет новый гражданин. Вам, как врачу, вероятно, интересно знать все подробности этого события, и поэтому опишу его Вам подробнее, чем другим. В 5 часов утра 14-ого августа Соня проснулась от вышедшей у нея в небольшом количестве воды. Весь день 14 августа у ней время от времени выходила вода в небольшом количестве, и были небольшие боли. 15 августа в 5 часов дня начались родовыя схватки, боли усилились и к 9 часам вечера достигли больших размеров. Около 10 часов вечера с запиской от акушерки, которая подробно излагала положе-

ние дела, я поехал к доктору Быковскому (Киевский акушер), на наше счастье, в настоящее время находящемуся в Полтаве. Он согласился через несколько часов приехать к нам и действительно около 1 часу ночи был у нас. Осмотрев... и исследовав положение ребёнка, Быковский сказал, что всё правильно, что ожидать появления ребёнка надо часов в 10 утра, и что в его присутствии необходимости нет. К 9 часам утра он просил прислать ему записку с изложением положения дел. Всю ночь Соня испытывала сильные боли до 5 часов утра от родовых схваток, а с 5 часов начались родовые потуги. С 6 часов утра начала показываться головка ребёнка: то покажется, то спрячется. В 11 часу приехал доктор. До 12 часов всё продолжалось в том же роде. Соня страдала ужасно. К 12 часам дня потуги стали короче и короче, головка ребёнка показывалась слабее, и температура начала увеличиваться. Тогда было решено наложить щипцы. В силу необходимости мне пришлось участвовать в этой и последующих операциях, и я до сих пор не могу без ужаса вспоминать о

всём виденном и перечувствованном мною. У Сони, оказывается, первая степень сужения таза, головка ребёнка слишком велика, и поэтому операция была очень тяжёлая.

Последствием этой операции явился разрыв промежности и новая операция – сшивание. Было положено 10 швов: три внутренних и семь наружных. Соня держала себя молодцом: доктор сказал, что если бы Соня не выказала столько самообладания, то не поручился бы за благополучный исход операции. Что она испытывала адские муки, для того, чтобы убедиться в этом, достаточно было взглянуть на лицо. Теперь она чувствует себя сравнительно хорошо, конечно, болит всё и везде, но сравнительно с тем, что она испытала, это пустяки или кажутся пустяками.

Мальчик родился, по-видимому, здоровым, вес его около 9 фунтов (3кг 685 г – А.П.), длина 52 сантиметра, окружность головы – 35 сантиметров.

Вот все подробности, может быть, я что-нибудь написал и не так, употребить...

(письмо прерывается, нет последней страницы – А.П.)

*(фонды ОГЛМ И.С.Тургенева, ф.75,
ед.хр.43375)*

*Письмо жене
Шаповаловой Софье Николаевне
Калуга, 6 февраля 1914 года*

Дорогая Соня,

наконец-то, получил от тебя сегодня письмо; я тебе послал ровно неделю назад 29 января, и твоё долгое молчание меня очень беспокоило....

Обо мне и Лёве тебе беспокоиться нечего, на мой взгляд, выглядит получше, несколько порозовел и чувствует себя гораздо покойнее. Я купил ему краски очень хорошие, оне его очень занимают, он всё рисует цвета, и, по-моему, очень недурно, приготовил тебе в подарок несколько конвертов, разрисованных разными цветами. Вчера мы с Лёвой обедали у Богдановых по случаю именин Федосика. После обеда начали собираться дети, и Лёве хотелось остаться, но я его увёл, соблазнив кинематографом, и ду-

маю, хорошо сделал, т.к. Лёва гораздо лучше чувствует себя, когда он один. Напрасно ты против кинематографа: я нахожу, что кинематограф прекрасно действует на нервы, – замечая это и по себе, и по Лёве...

(Софья Николаевна покинула Калугу из-за болезни, сопровождавшейся температурой – А.П.)

...Не торопись уезжать и Москвы и лечись хорошенько. Таней я лично очень доволен, кормит она нас очень хорошо и экономно, но Лёва не всегда с ней ладит и, даже, кажется, жаловался тебе в своём письме, но ты на это не обращай внимания, лучше, чем Таня, мне кажется, с ним никто не может обращаться *(речь идёт о домработнице, которая не всегда ему потакает – А.П.)*.

В этом письме посылаю тебе письмо тете Панини *(С.В. просит купить калейдоскоп – А.П.)*.

...Ну пока, крепко целуем тебя и Митю, напиши, как ты себя чувствуешь и какая у тебя температура, о нас не беспокойся, у нас всё хорошо и благополучно, напиши про

Митю, а также приблизительно, когда ты думаешь вернуться. Тутолмину постараюсь написать на этих днях.

Поклон всем. Николая Серг. не видал с четверга 30 января.

Целую.

Твой С. Шаповалов.

(фонды ОГЛИМ И.С.Тургенева, ф.75, ед.хр.43376)

***Письмо жене
Шаповаловой Софье Николаевне***

Калуга, 9 февраля 1914 года

Дорогая Соня,

сегодня пошла третья неделя, как ты и Митя уехали в Москву; мы с Лёвой очень скучаем без вас, думаю, и ты соскучилась по нас и по своему дому.

Но – лечись....

... Нас на масленицу тоже не жди в Москву. Во-первых, у меня сейчас денег нет, во-вторых, хочу отдохнуть... *(объясняет, что будет, если на два дня соберётся в Москву – одна усталость – А.П.)*

... У нас всё хорошо и благополучно, с Лёвой мы живём дружно, ведёт он себя очень хорошо, меня слушается и вполне спокоен. Вчера он целый день провёл у Уткиных: накануне заходила Елена Павловна и просила привести его с утра. Я, идя на службу, завёл его к ним и сам посидел у них некоторое время. Вечером я опять пошёл к Уткиным, нашёл Лёву весёлым и спокойным. При мне за ним пришла Таня, они пошли домой...

Сегодня меня звали в два места: в Дворянском собрании концерт в пользу недостаточных учеников Шахмагонова и в Женской гимназии концерт общества Соколов. В последнем концерте в числе прочих – две сестры Мельгуновы – Ольга и Екатерина Чалеева. Я хотел попасть на оба концерта – и не попал никуда: устал, жалко денег, не хочется оставлять Лёву одного.

Сейчас Лёва в большой столовой декламирует Тане «Демона».

...Лаконичность твоих писем меня удивляет. Лёва и я крепко целуем тебя и Митю.

Твой С. Шаповалов.

(фонды ОГЛМ И.С.Тургенева, ф.75, ед.хр.43377)

***Первое письмо с фронта жене
Шаповаловой Софье Николаевне,***

21 октября 1914 года

Дорогая Соня,

12 октября я послал тебе открытку, в которой просил писать мне прямо на полк без указания штаба 1-й армии. В этот день мы получили приказание присоединиться к своему полку, и 13-го выступили в поход. Прошли около ста вёрст и в ночь с 18 на 19-е присоединились к полку. Нас прямо повели на позицию, и мы заняли Опера Кумеса (*название населённого пункта читается не очень чётко – А.П.*). Против нас в версте сидит неприятель. К утру мы окопались, а с рассвета началась артиллерийская стрельба, ружейной стрельбы ещё не было, так как и мы, и немцы сидим в окопах и не показываемся.

Первые часы было немного жутко, когда над тобой пролетает неприятельская шрапнель и с грохотом разрывается, но скоро я уже привык к этому и теперь не обращаю внимания и хожу спокойно по линии окопов. Да и не я один, а все чувствуют себя спокойно. Вот уже три ночи и третий день проводим мы в лесу. Сплю я в землянке, приблизительно на аршин под землёй, покрытой накатом из сосен и землёй на соломе; со мной спит фельдшер и ещё один солдат, которые своими спинами согревают меня.

Самочувствие у меня хорошее, только временами бывает очень скучно и тоскливо, так как я совершенно один; с 3 октября я командую ротой и всех младших офицеров у меня разобрали, а уходить со своего участка в другие роты нельзя.

Не волнуйся, дорогая, и не строй себе ужасов, я ничего от тебя не скрываю и всё тебе описываю, как есть. На самом деле, не всё уже это так страшно, как это вам кажется издали. Помни, что всё зависит от Бога, и без его воли не упадёт ни один волос с головы человека.

Одет я во всё тёплое, на мне тёплая фуфайка, подштанники и носки, шинель я подшил тёплым байком, на голове шлем – это вязаный из шерсти тёплый чепчик и – сверх этого – бурка, так что холода я не ощущаю, точно так же и не ощущаю голода. Ем очень хорошо из офицерской кухни.

Сейчас сижу на земли и пишу тебе это письмо у себя на коленях, а кругом меня бегает белка, белок здесь очень много.

На пути в полк я получил от тебя два письма, от 8 и 28 сентября, в посланном письме ты пишешь, что не стоит писать, так как письма не доходят. Нет – стоит, даже если только одно из десяти дойдёт. Сколько радости доставляют нам здесь письма, что вы там и представить не можете, а кроме того, в письме от 28 сентября ты подробно ответила на все вопросы. Относительно подачи прошения нечего и думать, из этого всё равно ничего не выйдет, только примешь срам на свою и на мою голову.

Я чувствую и физически, и нравственно хорошо, а тогда я места себе не найду. Если со мной что-нибудь случится, ты сама увидишь,

куда отправить детей – в гимназию или кадетский корпус. Думаю, что и тебе, и детям лучше всего будет в Калуге. Гимназия даёт то преимущество, что здесь заранее предпрещается карьера человека, из гимназии есть ход всюду, а, в общем, всегда хорошо, были бы сами хороши.

Почему тебе не понравилась моя посылка? Я думал, что детям она доставит большое удовольствие. Отношение калужан меня удивляет, особенно Богданова и Домбровского. Отдай, пожалуйста, Богдановым долг (*это один из клиентов С.В. Шаповалова, который дал молодой семье в долг 2000 рублей для покупки дома – А.П.*) и будь от них подальше...

Лёву надо укреплять физически, может быть, ему надо заняться гимнастикой, кататься на коньках и т.д. Узнаю Митю в его выходке...

Пока до свидания. Крепко, горячо целую тебя и детей.

Твой Сергей.

23 окт 1914
Дорогая Соня,
твои письма стали доходить
аккуратно, вчера получил
князьково августовское, а се-
годня, от 12 окт. На все вопро-
сы ты мне отвезла, не
знаю только, живешь ли у
нас в доме Артуровка, полу-
тил я от тебя 20 руб посто-
янно, иной раз и отсылку
тебе не понравилась моя
посылка. Какки я взял на
себя убить не умею, как ты
любила это подумай, я аму-
шек иль в Икстабурге иль
Кадыры, аль же неса, предсу-
дительно нао в этом ничего
нет, т.к оружие и вооружение
составляют великую доблесть

Письмо с фронта С.В. Шаповалова жене,
написанное в день его гибели (фонды ОГЛМ
И.С. Тургенева, ф.75, ед.хр.43380)

*Последнее письмо с фронта жене,
Шаповаловой Софье Николаевне*

*Действующая армия, 224-й Юхновский
пехотный полк
(на фронте с Австрийской империей)
23 октября 1914 года*

Дорогая Соня,

твои письма стали доходить аккуратно, вчера получил несколько августовских, а сегодня от 12 октября. На все вопросы ты мне ответила, не знаю только, живёт ли у нас Эмма Артуровна, получила ли ты 200 рублей, посланные мной 9 октября и почему тебе не понравилась моя посылка. Каски я взял не с убитых немцев, как ты могла это подумать, я получил их в Инстенбурге из казармы, из запаса, предосудительного в этом ничего нет, т.к. оружие и вооружение составляют военную добычу...

За тёплыми вещами меня посылать не собираются и, вероятно, не пошлют, т. к. я команду ротой. Богданову я должен 100 рублей, отдай их ему. Не забывай 16 числа каждого месяца вносить за страховку жизни

в сберегательную кассу. Мы всё ещё в лесу и не известно, долго ли здесь пробудем.

Сегодня мне делают большую землянку в рост человека с печкой. Чувствую я себя хорошо, бодро, ем..... и просыпаюсь каждый день от канонады. Как только начинает рассветать, или наша, или неприятельская артиллерия делают первый выстрел, снаряд пролетает над нашими головами и с треском и грохотом на некотором расстоянии разрывается. Стрельба идёт с небольшими перерывами целый день, все люди уже к ней привыкли и прекрасно различают, откуда идёт снаряд – от нас или от неприятеля. Если наш, то продолжают спокойно заниматься своим делом, если неприятельский – то поспешно прыгают в окоп и прижимаются к передней стенке, там он безопасен. Наша жизнь мне очень нравится, и если бы не тоска по тебе и детям, я был бы очень доволен.

У меня с собой книги, купленные на станции, и я читаю их под аккомпанемент стрельбы. Постараюсь писать тебе чаще, не

волнуйся, дорогая, береги себя. Крепко целую тебя и детей.

Твой С. Шаповалов.

(фонды ОГЛМ И.С.Тургенева, ф.75, ед.хр.43379)

Это было посмертное письмо Сергея Шаповалова с фронта. В тот же день он погиб. Сохранилась телеграмма, отправленная в адрес Калужского губернского правления из Действующей армии. В ней – короткое сообщение: «Поручик Шаповалов убит 23 октября при ночной атаке Двора Шукли. Полковник Раксимович».

По словам внука погибшего, старшего сына писателя Овалова, доктора медицинских наук Скальда Львовича Шаповалова, спустя некоторое время в Москву, к бабушке, Софье Николаевне, приезжали товарищи её мужа. Они сообщили, что поручик Сергей Шаповалов погиб на Мазурских болотах, и оставили в доме его походные вещи: бритву, спиртовку и маленькую подушку – «думку», обрызганную кровью. Маленький Скальд в детстве долгое время спал на этой подушке, когда у неё заменили наволочку.

Путь писателя

В большинстве биографических справок о Льве Овалове сказано, что он родился в Москве 29 августа 1905 года.

Однако сам писатель в рукописи «О себе» так сказал о месте своего рождения: «По паспорту я – уроженец села Успенское Малоархангельского уезда Орловской губернии (ныне этот населенный пункт входит в состав Покровского района Орловской области. – А.П.), хотя родился на самом деле в дороге, когда родители ехали с Украины в Москву».

Лев Овалов и Орловщина

Однако даже такая запись в паспорте никогда бы не появилась, если бы жизнь Овалова потом не оказалась тесно связанной с селом Успенское. Здесь, в глубинке Орловщины, прожили они (мать и два сына, муж и отец которых погиб на фронте Первой мировой войны) пять трудных, жестоких, бескомпромиссных – первых лет Советской

власти, которая обещала русскому народу счастливое коммунистическое будущее.

К строительству новой жизни, к борьбе с ее врагами оказался причастен молодой паренек Лёва Шаповалов. В 1919-м году он стал организатором и руководителем одной из первых на Орловщине комсомольских организаций – в селе Успенском. Когда село, как и весь Малоархангельский уезд, заняли осенью того же года деникинцы, 14-летний секретарь волкома в тылу у белогвардейцев вместе со своими товарищами развернул разведывательную деятельность, о результатах которой доложил в штаб 13-й Армии красных, для чего ему пришлось проделать 60-километровый путь, преодолевая многочисленные препятствия и вражеские заставы.

Война на Орловщине закончилась, началась мирная жизнь, к которой, как показали последующие события, строитель нового общества и будущий писатель Лев Сергеевич Овалов, оказался не совсем готов, поскольку обнаружилось у него два серьезных

недостатка. Во-первых, он всегда говорил, а потом писал только то, что думал (если же такой возможности не представлялось, писатель просто молчал); во-вторых, если Овалов видел человека, попавшего в беду и нуждавшегося в поддержке, то всегда приходил на помощь, не думая о последствиях.

Именно поэтому собственная генеральная линия правоверного коммуниста Овалова не всегда совпадала с генеральной линией партии. Весной 1921 года, перед посевной кампанией, Успенский волостной комитет партии направил молодого коммуниста в село Корсунь (ныне – в Верховском районе. – А.П.) – распределять зерно между крестьянами-бедняками и нуждающимися середняками. И Лев Шаповалов свое первое же партийное задание выполнил не так, как требовалось: когда увидел он *«землистобелый цвет лиц, широко раскрытые глаза и бескровные губы»* четырех детей кулака Борщева, бросившего семью на произвол судьбы, и узнал, что *«в начале зимы продармейцы все зерно подчистую выгребли, и*

дети сидят голодные», то выделил им секретарь волкомола пять пудов ржи и три пуда овса – выдал, хотя местные партийцы сопротивлялись этому яростно, упрекая его в нарушении классовой линии.

А потом еще раз нарушил Лев генеральную линию – второй кулацкой, тоже голодающей, семье отдал хлеб: будущее социалистическое общество он воспринимал, прежде всего, как человеческое, а не классовое.

В 1921-м удалось Льву оправдаться в своих действиях. А вот когда в течение полутора следующих (1922-1923 годы) он руководил уже комсомолом всего Малоархангельского уезда, отбиваться от классовой критики становилось Шаповалову все труднее и труднее: то он оставил без последствий венчание в церкви секретаря комсомольской ячейки, то разрешил комсомольцу-товарищу исполнять обязанности певчего в малоархангельской церкви, то скрыл от партийцев беременность активистки-комсомолки – вместо того, чтобы за все эти

поступки безжалостно наказать провинившихся.

В конце концов, даже симпатизировавший Шаповалову секретарь Малоархангельского уездного комитета партии Ченцов не выдержал и, резко покритиковав Льва за «мягкотелость и отсутствие классового и партийного чутья», посоветовал ему уйти с комсомольской работы и поехать на учебу – чтобы получить такую профессию, где «мягкотелость, человечность будут не вредны, а полезны».

Москва. Начало писательской карьеры

Так осенью 1923 года Лев Шаповалов уехал в Москву, на учебу в Московский университет, навсегда покинув «благодатные поля многострадальной Орловщины».

Учился Лев Сергеевич на медицинском факультете (именно на него дали путевку в Орловском губкоме комсомола) и, несмотря на огромные трудности первого года (не хватало базовых знаний), упорно грыз гранит новой для себя науки.

Попутно, для заработка, новоиспечённый студент начинает заведовать небольшой библиотекой при клубе грузчиков, а для души посещает занятия литературного кружка «Антенна» при Хамовническом райкоме ВКП(б).

Во время учебы стал сотрудничать Овалов с газетами: в «Рабочей Москве», «Крестьянской газете», «Правде» публикуются стихи, очерки, репортажи молодого автора. Тогда же родился и псевдоним – Овалов (Лев Сергеевич чуть сократил свою дворянскую фамилию – А.П.).

Часть стихотворений вошла в самую первую из появившихся затем его книг – «Пятеро на одних коньках». Она была издана Госиздатом в 1927 году, когда автору едва исполнилось 22 года.

Лев Овалов в молодые писательские годы

У начинающего журналиста оказалось бойкое перо, выделившее его среди других авторов. А комсомольское прошлое, опыт работы с людьми, организаторские способности способствовали назначению Льва Овалова (в 23 года!) *редактором всесоюзного журнала «Селькор»*.

Произошло это как раз в год окончания им медицинского факультета. К этому времени вопрос «Кем быть?» – врачом или писателем – перед Оваловым уже не стоял.

Редактор
Лев Овалов

Став редактором журнала, Лев Сергеевич вскоре пишет свою первую повесть – «Болтовня», которую опубликовал в 1929 году в журнале «Октябрь» (№№ 4–5) и которая сделала журналиста Овалова писателем.

Создано было произведение в достаточно необычной мане-

ре, от лица 54-летнего рабочего-печатника Владимира Петровича Морозова. Читатель «Болтовни» не мог представить себе, что автором повести является молодой, 23-летний человек, настолько профессионально, живо, с большой долей юмора, она написана. Овалов в ней без всякого пафоса рассказывает о строительстве нового общества, довольно едко высмеивая тех, кто пристроился-прилепился ради своих личных интересов к этому важнейшему для страны делу.

Чего только стоит фигура секретаря партийной организации типографии Кукушкина, по прозвищу «Кукушка», который любое собрание умудрялся превратить в формальную, пустопорожнюю «болтовню».

«...Товарищи, все должны участвовать в новом строительстве. Товарищи, мы все должны бороться за своё пролетарское государство. Товарищи, совместными усилиями исправим недостатки, учтём успехи. Итак, товарищи, за строительство», – так, кукуя, заканчивал Кукушкин одно собрание, чтобы теми же словами начать следующее.

Именно так «кукушки» выхолащивали до неузнаваемости тот самый социализм, в построение которого верили миллионы рабочих и крестьян, надеявшихся жить в новом, счастливом обществе.

Шутки в редакции

Повесть имела огромный читательский успех, ее хвалили критики, и за шесть лет в довоенный период она переиздава-

лась пять раз (1930–1936 годы).

Пожалуй, так же ярко, только чуть раньше, в 1926 году, начинал Михаил Шолохов с его «Донскими рассказами» (да к тому же, есть нечто общее в биографиях писателей: они ровесники, оба – с 1905 года, и, несмотря на молодость, активно участвовали в событиях 20-х годов, один – на Донской, другой – на Орловской земле. Обоих в нача-

ле их творческого пути оценили и поддержали, а потом у обоих были серьёзные проблемы. Шолохов оказался более везучим и дожил до Нобелевской премии по литературе, ограничившись лишь несколькими шишками на теле своей судьбы, а вот Овалов... Впрочем, об этом речь впереди – А.П.).

Довоенная жизнь Льва Сергеевича складывалась, на первый взгляд, вполне благополучно. За повестью «Болтовня» последовали новые повести и романы: «Ловцы сомнений», «Утро начинается в Москве» (в двух книгах), «Здоровье», «Утренняя смена». Если же прибавить к ним книги очерков и рассказов «Красное и чёрное», «Путь в завтрашний день», «Июль в Ойротии», «Лимонное зерно», «Поездка в Ереван», публикации в толстых литературных журналах, то получится, что с 1929 по 1941 год произведения молодого писателя появлялись в печати практически каждый год.

И – самое главное – их читали очень многие: от самых «верхов» до простых рабочих и крестьян. Да, читали тогдашних со-

ветских писателей очень внимательно и поправляли, если они уходили в сторону от генеральной линии партии. Тем более, если писатели были такими популярными и на больших должностях, как Лев Сергеевич Овалов (после журнала «Селькор» он редакторствовал в «Комсомольской правде», а затем – в журналах «Вокруг света» и «Молодая гвардия» – А.П.).

Уже за второе своё большое произведение, роман «Ловцы сомнений» (он вышел в 1931 году), в котором Овалов посмел усомниться в генеральной линии партии, проводившей тогда курс на коллективизацию сельского хозяйства, ему досталось по первое

число. Один из критиков произведения даже провёл параллель «Ловцов» с «Бесами» Дос-

тоевского, что в те годы было серьёзным обвинением.

Мы хорошо знаем «Поднятую целину» Шолохова, считаем, что именно в этом романе впервые правдиво был отражён процесс преобразования деревни в 30-е годы. Но первая книга «Поднятой целины» появилась в 1932 году, а роман Овалова «Ловцы сомнений» вышел годом ранее. Так что первенство – по справедливости – должно принадлежать Льву Сергеевичу.

В одной из писательских командировок
(август 1935 года)

Сидеть бы Овалову тогда за «троцкизм», но положительную рецензию на «Ловцов» дал перед публикацией Александр Фадеев. «Разгром» романа спустили на тормозах, но «Ловцов сомнений» в последующие годы ни разу больше не издавали, посчитав творческой неудачей автора.

Овалов, отделавшись внушением и партийным взысканием, продолжил писать новые произведения и редакторствовать: после «Селькора» он руководил журналами «Молодая гвардия» и «Вокруг света».

Первый советский детектив. Лев Овалов – «отец» майора Пронина

«Вокруг света» все мы знаем как издание приключенческое. Между тем, именно Овалов, пытаясь расширить круг читателей журнала, решил на его страницах печатать такого рода произведения. Но, когда Лев Сергеевич стал предлагать знакомым писателям создать что-либо подобное, все они дружно отказались – для советских литера-

торов это была совсем новая, неизведанная область, и никто из них не хотел рисковать карьерой. Один из писателей ехидно спросил редактора: «А Вы сами почему не хотите написать такую вещь?»

Писатель Лев Овалов

И Овалов написал. В 1939-м году в журнале «Вокруг света» был опубликован рассказ «Синие мечи», первый из будущего цикла, в котором и появился новый персонаж – советский сыщик Иван Николаевич Пронин.

Первое появление Пронина – рассказ «Синие мечи»
(художник не назван)

Пронин в рассказе «Зимние каникулы» (рисунок И. Старосельского)

Будучи главным редактором уже «Молодой гвардии» (более солидного издания), он подружился с Борисом Пастернаком. У поэта имелись тогда серьёзные материальные и жизненные затруднения, он почти не писал стихов, а занимался лишь переводами. Шекспировский «Гамлет» в переводе Пастернака Овалову, который понимал толк в стихах (начинал-то он в свое время как поэт), очень понравился. Лев Сергеевич принял «Гамлета» к печатанию в «Молодой гвардии» и заплатил Пастернаку за перевод как за оригинальное произведение. Главный бухгалтер журнала написал жалобу на своего редактора, обвинив его в нарушении финансовой дисциплины. После жалобы Овалова освободили от редакторства. Поневоле заимев массу свободного времени, решил Лев Сергеевич продолжить «Рассказы майора Пронина», добавив к первому из них еще пять.

Журнал «Красная новь», хотя и носил такое название, первые советские детективы не рискнул напечатать. Тогда Овалов отнес

«Рассказы майора Пронина» в журнал «Знамя». Главный редактор его, Всеволод Вишневский, от приключенческой повести был в восторге, но возражали цензоры из НКВД и Управления пропаганды ЦК ВКП(б). Тогда честолобивый Вишневский, обладавший настойчивостью и обширными связями, достучался до самого Молотова.

Пронин (в центре) в повести «Голубой ангел».

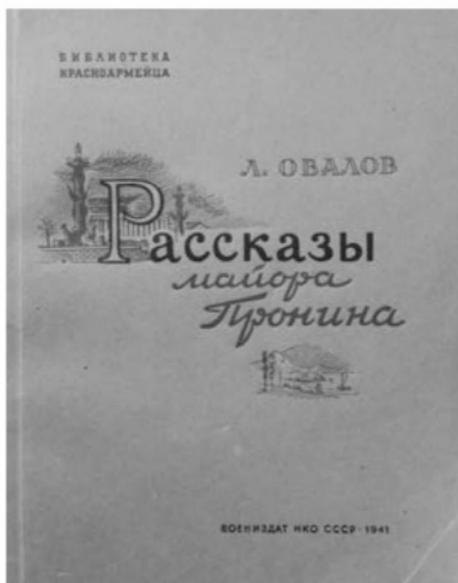
Рис. И. Старосельского

Вячеслав Михайлович рукопись прочел и одобрил. В апрельском номере «Знамени» за 1941 год все шесть рассказов пер-

вого цикла были опубликованы, и в том же месяце Военное издательство НКО опубликовало их массовым тиражом в «Библиотечке красноармейца». Этот двойной тираж «Рассказов майора Пронина» в течение месяца сделал имя Овалова всенародно известным, а читатели узнали и полюбили его майора Пронина.

В мае 1941 года журнал «Огонек» начал печатать продолжение «Рассказов» — повесть «Голубой ангел». На 22 июня был

намечен авторский вечер Овалова, и его не отменила даже начавшаяся в этот день война.

Арест. Лагерь. Ссылка

А уже в ночь на 7 июля 1941 года писатель был арестован органами НКВД. На следствии, которое длилось целый год, арестованному вспомнили все: и его поэму «Стальной пропагандист», посвященную «врагу народа» Рыкову, и «троцкистский» роман «Ловцы сомнений», и публикацию пастернаковского «Гамлета», и – конечно же, «шпионские рассказы» о майоре Пронине, в которых он, якобы, «выдал тайны советской разведки».

Кстати, позже в своих воспоминаниях Овалов признался, что хотя арест и стал неожиданным для него, но писателя перед этим томило предчувствие опасности. И оно вылилось в повести «Голубой ангел» в беседе Пронина со знакомым писателем так, как будто он предвидит обвинения наркома Берии:

«А если обо всём этом написать, не скажут, что это не нужно?» – спросил писатель.

«Почему?» – удивился Пронин.

«Ну, скажут, что я раскрываю методы расследования, привлекаю, так сказать, внимание?»

Это прозрение будущего в той же повести «Голубой ангел» вылилось в мистическое стихотворение под таким же названием (надеюсь, читатель, ты не забыл, что начал Овалов как поэт – с книги «Пятеро на одних коньках»? – А.П.):

«И не в силах ему противиться
Это – мать, невеста, жена,
Нарушаем мы тайну сердца,
Называем их имена.
А утром с ужасом слышим,
Что любимых настигла смерть.
И тоска проникает в душу,
И гнетёт небесная твердь.
Мы ничего не знаем,
Не видим Божьих сетей,
Не знаем, что ангел
Уносит лучших людей...»

Овалов ни в чем не признавался, но приговор был суров – «8 лет исправительно-трудовых лагерей за антисоветскую «пропа-

ганду и агитацию» по знаменитой 58-й статье. Так в 1942 году оказался писатель Овалов не по своей воле в Свердловской области. Жизнь заключенных в уральских лагерях была тяжелой. Но Льва Сергеевича выручила та профессия, по которой он ни дня до того не работал. Лагерное начальство узнало из документов о медицинском образовании Овалова, и стал он лагерным врачом, причём, хорошим – может быть, сказались гены матери, родного деда и некоторых из его предков, известных московских врачей. Благодаря этому Лев Сергеевич многим в лагере под Верхней Тавдой сумел помочь. И большинство заключённых отвечало взаимностью.

Но были и другие, от которых потом Овалов старался держаться в стороне и никогда уже не подавал руки.

Как многие творческие личности, Лев Сергеевич был талантлив не только в писательстве или врачебном деле. Для заключённых зрелища – важная составляющая их жизни. И однажды Овалов в минуту отдыха

«Отец» майора Пронина

изобразил перед своими лагерными товарищами самого Вождя в момент произнесения речи – с акцентом и жестами. Посмеялись все над тем, как похож оказался зэк Овалов на Иосифа Виссарионовича, а на следующий день об этой пародии на Вождя и Учителя узнал начальник лагеря.

Серия № 30

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ВЕРХОВНОГО СУДА
СОЮЗА ССР

С П Р А В К А

14 марта 1956 г.
№ 4а2644
Москва, ул. Ловозового, д. 13.

Дело по обвинению ШАЛОВАЛОВА-ОВАЛОВА Льва Сергеевича рассмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 7 марта 1956 года.

Востановление Особого Совещания при НКВД СССР от 19 августа 1942 года в отношении ШАЛОВАЛОВА-ОВАЛОВА Л. С. отменено и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ИСТИНА

Печать учреждения
выдавшего документ

/А. ЧЕНЕВ/
ПОДПИСЬ

16 марта 1956 г. Я. Целищев

жотанус 3 Московской Государственной Награжденной конторки, подтверждаю верность этой копии с подлинником.

При составлении копии с подлинником, в последнем пол-разе, пыльном, изорванных слов и других особенностей не обнаружено.

Восстановлено: 1-58635

Матариус

Справка о прекращении уголовного дела

Предателем оказался бывший профессор – милый интеллигентный человек. И не избежать бы Овалову «добавки» к старому сроку за «издевательство над руководителем партии и страны», да выручила Льва Сергеевича находчивость. Он изобразил Сталина ещё раз – но без акцента и жестов. Начальник лагеря в таком показе Вождя не увидел никакого издевательства, наказав за ябедничество самого доносчика.

Личная жизнь писателя Овалова

Антонина Александровна Шаповалова (Иоселевич), первая жена писателя

Пока Овалов отбывал наказание, его первый брак, и так не весьма крепкий, распался: жена Антонина потребовала развода с «врагом народа», и Московский городской суд «развёл» супругов. Сын Скальд (1925 года рождения) остался жить с матерью.

Антонина Шаповалова с
сыном Скальдом

В конце лагерного срока, когда режим для Овалова стал менее строгим, познакомился он с Анной Котцер, немкой из Поволжья, отбывавшей наказание в соседней, женской, колонии.

От этой связи родилась в конце 1947 года дочь Татьяна, которую впоследствии Лев Сергеевич удочерил и воспитывал в своей семье (мать девочки ещё некоторое время отбывала наказание). Писатель Овалов, в данном случае, поступил так, как должен был поступать, по его мнению, настоящий интеллигент – не бросать в беде своих близких.

Валентина Александровна
Шаповалова (Клюкина)

А в 1948 году в помощницах у лагерного врача Овалова, в качестве фельдшера, оказалась молоденькая выпускница медицинского училища из Ярославля по имени Валя. Возникла взаимная симпатия, переросшая в большую любовь. Валентина не побоялась ни разницы в возрасте (20

лет), ни статуса заключённого своего будущего спутника. Жили первое время они без регистрации, но в январе 1953 года свои супружеские отношения узаконили в ЗАГСе. Брак оказался счастливым: четверо детей один за другим родились у Оваловых (две дочери и два сына).

Овалова, после отбытия лагерного срока, оставили в ссылке. Работал с женой по ме-

«Отец» майора Пронина

дицинской части сначала на Урале, а потом в участковой больнице в Гиагинском районе Адыгеи, в совхозе «Лекрастреста» (совхоз выращивал лекарственные растения).

В 1956 году, после многих обращений в инстанции, власти объявили писателю о его полной реабилитации, и он с семьей смог, наконец-то, возвратиться в Москву.

С сыном Володиёй
и дочерью Татьяной

В совхозе «Лекрастреста»
с женой, тещей и детьми

С дочерью Наташей

С сыном Володей

Вернулся Овалов к любимому делу, от которого был отлучен на целых пятнадцать лет, и сразу обратился к самому своему знаменитому персонажу: в 1957-м году большим тиражом вышли из печати «Приключения майора Пронина». Сыщик позволил писателю заработать на хлеб, а последующие тиражи книг о нем поддерживали сносное существование Овалова и его большой (пятеро детей!) семьи (первый и самый старший сын, Скальд, жил к этому времени уже отдельно – А.П.).

Где-то на юге, с женой Валентиной и детьми
Володей, Натальей, Ириной, Татьяной

С сыном Сергеем

С внучкой Настей (в рабочем кабинете в квартире на Ломоносовском проспекте)

Приложение
Семейное древо Льва Овалова
(29.08.1905 – 30.04.1997)

1-я жена, Антонина Александровна Иоселевич (1905-1979),

брак зарегистрирован 2 февраля 1925 года,
расторгнут 22 октября 1948 года Мосгор-
судом.

Один ребёнок – Скальд Львович Шаповалов (15.04.1925)

Скальд Львович Шаповалов,
старший сын Льва Овалова

У Скальда Львовича – двое сыновей:
Андрей (24.06.1951 – 2003) и Сергей
(26.12.1954)

У Андрея – четверо детей:
Сергей (кандидат физико-мат.наук),
Алексей (психолог, МГУ закончил),
Дмитрий – учился в семинарии
Анастасия – учительница нач. классов

У Сергея детей нет

2-я жена, гражданская, немка из лагеря в посёлке Карьер Тавдинского района Свердловской области, Котцер-Зуева

Дети – дочь Татьяна (20 ноября 1947 года), удочерённая Львом Сергеевичем

Внучка – Светлана (Русанова) – 10 ноября 1965 года

3-я жена, Валентина Александровна Клюкина (Шаповалова) (22.08.1925 – 19.07.2015)

брак зарегистрирован 31 января 1953 года.

Четверо детей:

Владимир (14.04.1950)

Наталья (14.01.1953)

Ирина (17.10.1955)

Сергей (16.10.1961)

У Владимира – двое детей:

Юрий (02.09.1979)

Сергей (13.10.1976)

У Натальи – двое детей:

Дмитрий (05.1971)

Андрей (04.08.1977)

Александр Полынкин

У Ирины – трое детей:

Алёна (02.11.1977)

Наталья (23.03.1983)

Алексей

У Сергея – двое детей:

Анастасия (31.10.1988)

Степан (17.09.1995)

На квартире в Лаврушинском переулке –
два сына и два внука Льва Овалова

«Медная пуговица». Овалов и Хрущёв

В 1958 году в журнале «Огонек» было опубликовано новое произведение писателя, в котором действовал прославленный сыщик. У романа «Медная пуговица» был оглушительный читательский успех – и очередные недоразумения, о которых поведал сам писатель в интервью «Вечерней Москве».

В редакцию «Огонька» позвонили из Министерства культуры, от Фурцевой, с требованием немедленно прислать гранки продолжения романа. В большой тревоге члены редакции уселись за скрупулезное чтение произведения, пытаясь найти тическую ошибку, допущенную Оваловым (все вокруг знали, что он, хоть и реабилитирован, но ведь сидел же! – А.П.). Закончился же переполох вокруг министерского звонка анекдотически: оказалось, что «Медную пуговицу» с увлечением читала дочка Фурцевой, которой очень хотелось, не дожидаясь выхода очередных номеров журнала, узнать, чем закончатся события в романе. Дочь попросила маму, а Екатерина Фурцева, не объ-

ясняя причин, поручила позвонить в редакцию «Огонька».

Однако этим дело не ограничилось. В том же 1958 году появилось разгромное постановление ЦК КПСС по журналу «Огонек», в котором «Медную пуговицу» назвали «случайным, не имеющим эстетической и воспитательной ценности произведением».

Как почти сразу же узнал Овалов, произошло это потому, что первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев, даже не читавший романа, походя обругал его на основании мнения своего

зятя Аджубея. Несколько раз Лев Сергеевич обращался в ЦК – и при Хрущеве, и при

Пронин в романе «Медная пуговица» (справа, в форме эсэсовца Гашке).

Рис. П. Караченцова

Брежневу (в 1966-м году) с просьбой *«отменить или изменить оценку моего романа, имеющуюся в постановлении от 9 сентября 1958 года»*, но ответа не дождался.

«Медная пуговица» книгой вышла в СССР только в 1981-м году, спустя 23 года после журнальной публикации. За это время роман успели перевести и издать почти во всех социалистических странах, в Греции, Индонезии, Канаде, США, по нему в Венгрии и Чехословакии были сняты многосерийные телефильмы, а на родине всё ждали милостивого разрешения начальства.

Сам персонаж – Иван Пронин – стал настолько известным, что переселился в анекдоты. О всевидящих глазах сыщика, которые следят за тобой даже в самых укромных уголках, рассказывали друг другу соседи и хорошие знакомые. Анекдоты, конечно, не были лишены иронии, но сами по себе они говорили о невероятной популярности Пронина.

Правда, следует сказать и о том, что в последние годы ряд исследователей и литературоведов стали оценивать этого персо-

нажа только критически. Журналистка Д. Абрамова в июне 1988 года в газете «Вечерняя Москва» опубликовала интервью с писателем Оваловым, сопроводив его своими комментариями. По её мнению, Лев Сергеевич, сочиняя «Рассказы майора Пронина», следовал политике тех лет, «политике всеобщей подозрительности и шпиономании, насаждаемой тогда в стране. Всё плохое, всё неудачное, все провалы – это от них, от врагов Советской власти. Вредители взрывают шахты, вызывают падёж поголовья птицы. Шпионы посягают на жизнь учёных, изобретателей, так как только убив патриотов, они могут завладеть их тайнами, имеющими государственное значение. И всему этому с успехом противостоит простой и скромный, добрый и весёлый, умный и находчивый, смелый и решительный, а главное – пронизательный и справедливый майор Пронин».

По поводу окончания этого журналистского пассажа у меня никаких возражений нет. Пронин – он такой и есть в произведениях Овалова. А вот по поводу первой части

этого же высказывания Д.Абрамовой я хотел бы возразить.

Что ж, конечно, она была – политика подозрительности и шпиономании в СССР, и писатель вольно или невольно ей следовал – это так. Однако давайте смотреть правде в лицо. Что, разведка России в настоящее время и разведки других стран бездействуют? Сложили руки и опустили головы?

Нет – наоборот, они, как никогда, активны. И мы, в наше время, когда никакой всеобщей подозрительности нет и в помине, тем не менее, регулярно оказываемся зрителями и слушателями очередного шпионского скандала то у нас, то в какой-то другой стране. Один Сноуден чего стоит.

Наши ловят – и наших ловят! И это обычная практика служб внешних разведок.

А после «Медной пуговицы», вызвавшей всплеск интереса к Пронину и Овалову, сыщик появился спустя пять лет и ещё в одном романе Овалова – в «Секретном оружии» (1963 год).

Судьба писательская

В годы зрелости

Но только детективами творчество Льва Сергеевича, конечно же, не ограничивалось. В 60-80-е годы вышло из печати и еще несколько его произведений. В первую очередь стоит назвать те, которые можно условно отнести к автобиографиче-

ским и в которых речь идёт о годах юности писателя. Первым из такого рода произведений стала вышедшая в 1967 году повесть «Оперативная карта». Следом, в развитие её, появились романы «Ветер над полем» (1968 год) и «Утренние заморозки» (1979 год). Из них в 1982 году вырос главный автобиографический роман Льва Овалова, названный им «Двадцатые годы».

50 лет ушло у писателя на то, чтобы на закате жизни рассказать о юношеских годах, проведенных на Орловщине. 700-страничный роман «Двадцатые годы» и сейчас, почти 30 лет спустя, уже совсем в другой стране, читается как исповедь человека, всю жизнь положившего ради счастья других людей. Что из этого вышло – это уже другая история.

Кроме этих автобиографических вещей, Лев Сергеевич выпустил в свет ещё несколько заинтересовавших читателей повестей и романов: «История одной судьбы» (1962 год), «Партийное поручение» (1964 год), «Помни обо мне» (1966 год), «Январские ночи (повесть о Розалии Землячке)» (1971 год).

Наверное, итогом плодотворной деятельности Овалова как писателя можно назвать вышедшее в издательстве «Молодая гвардия» в 1987-1988 годах стотысячным тиражом его трёхтомное собрание сочинений. В него вошли лучшие романы и повести Льва Сергеевича.

Дом писателей в Лаврушинском переулке.
В этом доме № 17 Льву Овалову выделили квартиру

Но далеко не всё, что написал за долгие годы своей творческой деятельности Овалов, оказалось опубликовано. Не увидела свет большая, двухтомная, автобиографическая «Повесть об одном коммунисте», в которой были отражены лагерно-ссылные моменты из жизни писателя. Не дошли до типографского станка романы «Мечты и действительность» и «Девушка в кустах жимолости», повести «Ноябрьская ночь», «Семь зимних дней» и «Строгая любовь».

Остались нереализованными многие стихотворные замыслы, к примеру, так и не издали повесть в стихах «Полюнь».

Ещё в довоенные годы Льву Сергеевичу поступили предложения о возможной постановке его произведений на театральных подмостках. Театр имени Вахтангова собирался делать спектакль по повести «Здоровье». Овалов написал четыре пьесы – «Хозяйка», «Первая любовь», «Ответ» и «Перелётные птицы». Первая пьеса была опубликована, остальные так и остались в машинописном варианте.

Совместно с Б. Шатуновским Лев Сергеевич работал над либретто к двум опереттам – «Ветка сирени» и «Чужие глаза». К сожалению, до спектаклей ни в одном случае дело так и не дошло.

Не удалось довести до экранизации и сценарии для двух художественных фильмов – «Синие мечи» и «Зина Дёмина». А жаль! При опытном режиссёре это, наверняка, были бы хорошие фильмы.

Лев Сергеевич Овалов обладал простым, доступным для читателя, честным литературным языком – и все его публикации подтверждают это. Даже его многочисленные рецензии и отзывы как редактора отдела прозы журнала «Москва» были написаны так, чтобы до каждого автора «дошло», что и почему ему надо исправить – или вообще не графоманствовать.

Отдельно стоит сказать ещё об одной неопубликованной вещи Овалова – повести «Тайна чёрной магии», она – из пронинского детективного цикла. Машинописный вариант произведения был передан в фонды Ли-

тературного музея И.С. Тургенева в числе других архивных материалов в начале 2000-х женой писателя. В этой повести, по словам Льва Сергеевича, сыщик пытается раскрыть «самое загадочное и сложное преступление, с которым ему приходилось сталкиваться» за свою литературную жизнь.

Автору этой книги посчастливилось прочитать повесть, и я вполне согласен с утверждением писателя. Сюжет произведения закручен с поистине современным детективным размахом. При этом, по словам Овалова, история основана на абсолютно реальных событиях.

В одном из вымышленных уголков Советского Союза при странных обстоятельствах погибает местный тракторист: причина смерти – отравление. Почти сразу после убийства местному прокурору начинают приходить анонимные письма, автор которых утверждает, что убийцей является бывший политзаключённый Прибытков, инженер местной МТС. Этого факта прокурору оказалось достаточно, чтобы аресто-

вать инженера, однако в дело вступает молодой чекист Евдокимов и уже немолодой (но закалённый годами разведывательной работы) секретарь районного комитета партии Иван Пронин. Они сочли арест Прибыткова слишком поспешным, считая, что аноним пытается отвести от себя подозрение.

Далее в сюжете повести молодой чекист, прислушиваясь к советам опытного товарища Пронина, пытается установить настоящего преступника, которым является кто-то из местных жителей. Автор держит читателя в приятном напряжении до самого конца повести: кто же убийца? Жена тракториста? Местный знахарь? Юная комсомолка? А может, в преступлении замешан и сам прокурор?

Как бы там ни было, это произведение так и не увидело свет. Почему? До конца неясно. Повесть датируется 1958 годом – не самый простой период в жизни Льва Овалова. После того, как руководство партии раскритиковало его роман «Медная пуговица», возможно, писатель не рискнул опубликовать

своё новое произведение, само название которого для советской эпохи звучало уж слишком мистически. Кроме того, в этой повести автор довольно смело рассуждает о работе советской и зарубежной разведки, что тоже могло стать веским основанием для того, чтобы положить рукопись на полку.

В любом случае, хочется верить, что найдётся издатель для неизвестного произведения Овалова, и майор Пронин вновь оживёт.

Было бы замечательно, если бы увидел свет переизданный роман «Двадцатые годы» – полноценное историческое повествование о первых годах Советской власти и гражданской войне на Орловщине.

Лев Овалов умер 30 апреля 1997 года. Обидно, что коллеги из Союза писателей России (впрочем, и из второго Союза тоже) забыли о нём. Жаль, что не вспомнили о нём и орловские литературоведы. В Орловском музее писателей-орловцев не существует экспозиции, посвященной нашему земляку.

Л. Овалов

ТАЙНЫ ЧЕРНОЙ МАГИИ

Повесть.

Магия — знание и употребление на деле тайных сил природы, неизвестных, вообще не признанных естественными науками. Предполагая в делах этих связь человека с духовным миром, различает белую и черную магию; последняя есть чернокнижие, чародейство, волховство, колдовство, волшебство; знахарство может относиться и к тому, и к другому виду.

Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка.

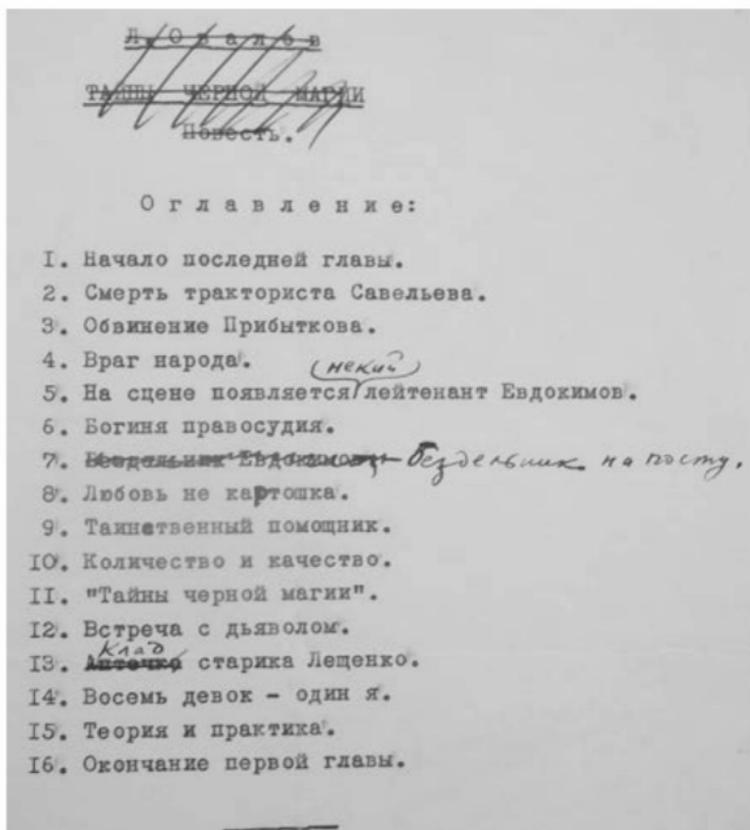
1. НАЧАЛО ПОСЛЕДНЕЙ ГЛАВЫ.

— Это было одно из самых загадочных и сложных преступлений, с какими я когда-либо сталкивался в своей жизни, — сказал мне Иван Николаевич Пронин, и легкая и вместе с тем грустная улыбка чуть повельнула его губы, насмешливая искорка на мгновение осветила его спокойные голубые и, увы, большей частью холодные глаза, и дымка усталости опять заволокла его грубоватое лицо, обветренное всеми ветрами нашей нелегкой и беспокойной жизни. — Трудно, очень трудно было докопаться до его сути, но, как говорится, терпенье и труд все перетрут.

Он замолчал, задумчиво откинул виноградинку от грозди, свисавшей над его головой, положил в рот, медленно ее пожевал и даже не поморщился, хотя ягоды были еще очень кислы и даже соседские мальчаники не начинали еще совершать за этим виноградом своих пробегов.

Потом Иван Николаевич сел на скамеечку у стола и задумчиво похлопал по столу ладонями, и, хотя взор его был обращен ко мне, мне показалось, что он не видел меня, взгляд его был

Начало неопубликованной повести Овалова о Пронине

Оглавление повести «Тайны чёрной магии»

В свое время, в начале 80-х годов XX века, я переписывался с Оваловым, и Лев Сергеевич прислал только что вышедший

тогда роман «Двадцатые годы» с надписью: «*Молодому поколению орловчан*».

Несколько лет назад прислала мне оваловский трехтомник его жена, Валентина Александровна. Вместе с воспоминаниями о муже и его фотографиями эти книги составили экспозицию Покровского районного краеведческого музея, посвященную 100-летию со дня рождения Льва Сергеевича.

В Покровском районе и в городе Орле об этой дате не забыли. В селе Успенское был устроен большой литературный праздник, посвященный земляку-писателю. В Орле в течение месяца проходила большая выставка, на которой были представлены документы о жизни и творчестве Овалова, а также его многочисленные книги. Присутствовал на этих мероприятиях и радовался за своего отца младший сын писателя – Сергей Львович. А в сентябре 2010 года в селе Успенское, на здании школы, в которой учился Лев Овалов, появилась мемориальная доска, увековечившая пребывание известного писателя в нашем крае.

И, наконец,— самое главное: в первое же десятилетие XXI века были переизданы все повести и романы о майоре Пронине. А значит — продолжают жить на свете знаменитый сыщик и его «отец-создатель».

Как писатель Овалов своего пропавшего брата через 25 лет нашёл

11 января 1966 года известному советскому писателю, «отцу — создателю» популярнейшего в СССР в те годы сыщика — майора Пронина, Льву Сергеевичу Овалову, позвонил старший сын Скальд с их старой квартиры в Лаврушинском переулке, где он жил со своей женой и детьми: «Отец, я получил посылку, и не откуда-нибудь, а из-за рубежа, из Англии. Посылка — на твоё имя. Адресатом значится Алекс Иванович из Кардиффа».

Как ни напрягал свою память Овалов, он так и не смог вспомнить, кто же такой этот неизвестный ему Алекс Иванович, отправивший посылку по адресу, по которому

Лев Сергеевич не проживал уже 25 лет. Вдвоём со Скальдом они стали перебирать довоенных знакомых, кого судьба могла занести за границу, но так ни на чём путном и не остановились. Через несколько месяцев на имя Овалова пришла вторая посылка, потом – третья, наконец – то, всё объяснившая: «Брат это, родной и единственный, любимый брат Льва Сергеевича – Дмитрий, о котором не было ни слуху, ни духу 27 лет, с того самого времени, когда после окончания военного училища он ушёл на службу – и сгинул, пропал».

И вспомнил всё в тот миг известный писатель: Москву, Калугу, село Успенское Орловской губернии, лагерь на Урале, в котором он отбывал заключение, маму, Софью Николаевну, отца, Сергея Владимировича, погибшего на фронте в Первую Мировую, отчима, Дмитрия Дмитриевича, горячо любившего их мать и заменившего братьям на долгие годы отца, и, конечно же, младшего брата Дмитрия, Митю, Митька, как любил говаривать всегда, – вплоть до их общей старости, Лев Сергеевич Шаповалов – Овалов.

Братья Лев (слева)
и Дмитрий Шаповаловы

Братья всегда оставались разными – и внешне, и внутренне. Старший, Лев, как и положено было ему по возрасту и по имени, являлся заводилой во всём, мотором

любого творческого дела, интеллектуальным началом, как сказали бы сейчас. Младший, Дмитрий, тоже в соответствии со своим именем (греческое имя Дмитрий происходит от богини плодородия Деметры, одной из самых почитаемых у греков), был гораздо более приземлённым человеком (и в прямом смысле этого слова). Однако с самых ранних лет и до седых волос существовала между братьями внутренняя, невидимая посторонним, связь, благодаря которой они чувствовали друг друга и на расстоянии. А общим

приёмником и передатчиком для них была мать – Софья Николаевна. Её оба любили глубоко, горячо, искренне – до последних дней своей жизни.

Дмитрий Шаповалов (1940 год)

Дмитрий Сергеевич Шаповалов в звании лейтенанта встретил Великую Отечественную войну на западной границе, с боями отступал со своим подразделением на восток, в одном из боёв попал в плен. Из немецкого оккупационного лагеря его освободили союзники. В Советский Союз он не вернулся. Работал на разных работах во

Франции, в Бельгии, в Англии, а в 1950 году перебрался в Канаду, где осел на постоянном месте жительства в Монреале (в письмах на родину Дмитрий Сергеевич писал название этого крупнейшего канадского города по-местному – Монтреаль).

Дмитрий Шаповалов
(1948-1950 годы)

Уже прожив там свыше 15 лет, начал он налаживать связи с родной страной. Именно тогда пошли его посылки на старый адрес старшего брата: Москва, Лаврушинский переулок...

К этому времени отбывший 15 лет в заключении и ссылке писатель Лев Овалов снова жил в

Москве, только по другому адресу – в выделенной ему Союзом писателей трёхкомнатной квартире на Ломоносовском проспекте,

Александр Полынкин

совсем недалеко от нового корпуса МГУ, на медицинском факультете которого учился Лев Сергеевич в двадцатые годы прошлого века.

Письма Дмитрия Шаповалова брату (1966-1975 годы)

Когда братья нашли друг друга (шёл 1966 год), их матери, Софьи Николаевны, уже три года, как не было в живых. Началась переписка, длившаяся без перерывов до 1975 года. В те годы в Советском Союзе разнообразное начальство к родственникам

«Отец» майора Пронина

за границей относилось, мягко говоря, не очень хорошо. Поэтому, Дмитрий Сергеевич, опасаясь навредить брату, ставил вместо своей фамилии – чужую.

Недоставленное письмо Льва Овалова брату в Данию

Недоставленное письмо Льва Овалова брату в Англию

Дмитрий Шаповалов в своей квартире в Монреале (напротив – портрет мамы, Софьи Николаевны)

постоянно болеть и скончался в конце 1975 года. Его похоронили на русском кладбище Равдон, близ Монреаля. Надпись на строгом шестиугольном кресте, по завещанию покойного, была сделана такой: «Лейтенант Дмитрий Сергеевич Шаповалов (1907–1975 гг.)»

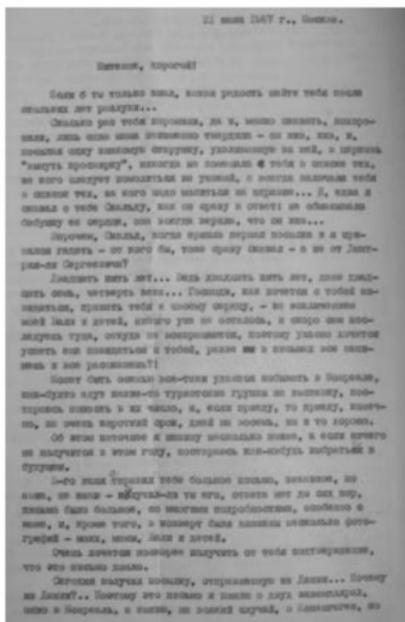
В Канаде в то время пенсионный возраст мужчин наступал в 68 лет. Гражданин Канады Дмитрий Шаповалов не успел как следует порадоваться своей наступавшей пенсией, да и получить-то её он ни разу не успел, начал

Русский писатель Лев Сергеевич Овалов (Шаповалов) скончался в Москве 30 апреля 1997 года. Он завещал своё тело кремировать, а прах – смешать с прахом матери (урна после сожжения тела Софьи Николаевны в течение 34 лет находилась в рабочем

Могила Дмитрия Шаповалова на русском кладбище Равдон под Монреалем (Канада)

кабинете писателя – А.П.) и развеять этот общий пепел над водами канала имени Москвы, напротив дачи Овалова. Младший сын писателя, Сергей Львович, так и сделал. Могилы, к которой могли бы прийти родственники или почитатели создателя этого образа сыщика Пронина, таким образом, нет.

Письмо Льва Овалова брату

Но есть строчки его стихотворения: «...Я, обращённый в лёгкий пепел, живу в сознании людей...». Есть его повести и романы, в которых действует легендарный майор Пронин. И есть письма, письма двух братьев, которых в 1940 году развела судьба так да-

леко и надолго, что свидеться им больше не пришлось. Познакомься с некоторыми из этих писем, читатель.

21 июля 1967 г., Москва
Митёнок, дорогой!

Если б ты только знал, какая радость найти тебя после стольких лет разлуки...

Сколько раз тебя хоронили, да и, можно сказать, похоронили, лишь одна мама неизменно твердила – он жив, жив, и, посылая одну знакомую старушку, ухаживавшую за ней, в церковь «вынуть просвирку», никогда не помещала тебя в списке тех, за кого следует молиться за упокой, а всегда включала тебя в список тех, за кого следует молиться за здоровье... И, едва я сказал о тебе Скальд, как он сразу в ответ: «Не обманывало бабушку её сердце, она всегда верила, что он жив...»

Впрочем, Скальд, когда пришла первая посылка, и я принялся гадать – от кого бы, тоже сразу сказал – а не от Дмитрия ли Сергеевича?

Двадцать пять лет... Ведь двадцать пять лет, даже двадцать семь, четверть века... Господи, как хочется с тобой повидаться, прижать тебя к своему сердцу, – за исключением моей Вали и детей, никого уже не осталось, и скоро сам последуешь туда, откуда не возвращаются, поэтому ужасно хочется повидаться с тобой, разве в письмах всё напишешь и расскажешь?

Может быть, осенью удастся всё-таки побывать в Монреале, как будто едут какие-то туристские группы на выставку, постараюсь попасть в их число, и, если приеду, то приеду, конечно, на очень короткий срок, дней на восемь, но и то хорошо...

На этом сегодня и закончу, с громадным нетерпением буду ждать твоих писем.

Крепко-крепко обнимаю и целую тебя, мой дорогой, ты всё, что осталось у меня от моего прошлого, папы давно нет, мама ушла не так давно, остался один ты, и, к счастью, ты не только прошлое, но и сегодняшней день...

Мои ребята и Валя тоже целуют тебя, обнимают и любят.

Ещё раз крепко-крепко целую. Лёва.

(Это письмо Лев Овалов направил в два адреса – в Копенгаген, откуда он получил очередную посылку от брата, путешествовавшего по Европе во время своего отъезда, и по его месту жительства – в Монреаль; письмо из Дании возвратилось обратно в Москву -А.П.)

«Отец» майора Пронина

9 августа 1975 г.

✓
Дорогой мой Давидка !

29/10 августа 1900 - 70. Дата рождения и дата Продления жизни !
29 августа 74 тебе исполнится 70 лет, жутка ли сиять ? Сколько за это
время прожито и... Пережито ?

С чем же тебя поздравлять ? Поздравляю тебя с днём рождения и поздравляю
тебя с 70-тилетием! Целю не из малых желая тебе ещё много лет
здоровости, желая здоровья, бодрости духа и беряги себя; ты ещё кому то
нужен. Ты и моя кукули мне так приятно получить твои письма и знать, что
ты мне - здоров, работаешь ещё и обеспечиваешь свои семьи, но на нашу
встрочку всё солёно и солёно отпадает всякая надежда, но ,хотайи, и письма,
и это доставляет известную радость; мне очень понятна вся сложность этой
проблемы.

✓ Вспомнил одну фотографию, сохранилась ли она ? Долгая, 1900 год.
Надпись, мама в калесе с тобой на руках, рядом стоит отец со своими товарищами
и прохвлетт маму в носку после твоего рождения; года 1904 - ОБ
этом писал для мамы родителей благополучно.

Ты мне напомнил об отце ! Всё очень хорошо Помни! помни маму князь
на С. К., помни начало, сборы, проводы, отъезд и маме возвращение с вокзала,
как в лок повзвонного, так она и оказалась; 1914 год оказался для
нас и, особенно, для мамы катастрофой; и все последующие годы оказались
катастрофой для всей России. Им с тобой отпущено до 1975 года, по разному,
но достигли и желая тебе ещё и ещё такую свою крестик, уготованный
нам родителями. Я на этой крестик не обижался; бывает никак то не удовольствие
решают, но это уже зависит от личных качеств каждого человека, а, вообще
то, обижаться не на что !

Наказ - обстоятельная земля; все выклад здесь то или иное благополучие,
независимо от расы и цвета кожи. За последние 2 - 4 года очень много
приехало чёрных; это с Индонезийских островов, которые находились под
Французским и Британским владением, это потомки своих рабов, а теперь

Письмо Дмитрия Шаповалова брату Льву
от 9 августа 1975 года

28 мая 1967 года.

Дорогой Лев Сергеевич!

Получил всё, большое спасибо, читаю.

Сколько радости и сколько слёз. Вот уже

почти две недели, а глаза не высыхают, и за этой водой, откуда она берётся, я мысленно вижу Вас в окружении Ваших детей и человека с большой буквы. *(В первых письмах Дмитрий Сергеевич обращался к брату только на «Вы» – просто как знакомый, а свои письма подписывал фамилией «Ивановский» или «Постников» до конца их многолетней переписки – и всё это делалось из опасения причинить неприятности видному советскому писателю, у которого оказался родственник за границей – А.П.)*

Радуюсь, Вы знаете, какая мне радость за Вас.

Хочется многое знать, очень многое, но это впоследствии, а сейчас мне хочется знать последние годы жизни мамы. Вот написал «мама» и заплакал.

Как я всегда её вспоминал. Я всем здесь говорил: «Если бы со мной здесь со мной была мать, мне бы ничего больше не надо было бы. На руках бы её носил». Да я её и всегда на руках носил.

А Дмитрий Дмитриевич (*Ерохин, отчим братьев Шаповаловых, второй муж их матери, уроженец села Успенское Малоархангельского уезда, врач по профессии – А.П.*) отличился! А! Он всегда был такой. Бескорыстный человеколюбец. Представляю его в роли доктора-начальника. Не правда ли?

Пятнадцать лет, Лев Сергеевич, и за что? (*Это о годах, проведённых писателем в лагерях и ссылках – А.П.*) Хорошо, что это возместилось детьми и Человеком. Радуюсь, радуюсь и счастлив за Вас.

А старший сын, наверно, гордитесь? И есть чем. Он всегда хотел быть доктором и стал им – молодец! (*Старший сын Льва Сергеевича, Скальд Львович Шаповалов, стал известным врачом – офтальмологом, доктором наук – А.П.*) Не зря я его на руках носил – и опять слёзы.

Что ни слово – слёзы. Вы единственный человек остались, с которым я должен встретиться, больше у меня никого нет.

Одиночество. Полнейшая жизнь в одиночестве. Много, очень много со мной, вместе, я всегда вместе с ними, и я ... один!

Смеюсь смех сквозь слёзы. Слёз своих никому не показываю.

Сейчас выставка здесь. Может быть, Вы смогли бы приехать хотя бы на один день. Много не обещаю, а дорогу сюда и обратно я оплачу. Попробуйте и напишите.

Очень рад, что я Вашим «девчонкам» доставил удовольствие; совсем на это не рассчитывал. А платок я посылал маме, но мне радость, да ещё какая! Что он попал в надёжные руки, по Вашему письму – золотые.

Напишите, как зовут Ваших детей и детей Скальда.

Крепко-крепко Вас целую, а за меня Вы поцелуйте своих всех.

Всего наилучшего: .....

(В этом письме Дмитрий Шаповалов не стал ставить никакой подписи – А.П.)

От автора. Так начиналась эта восьмилетняя переписка, дополнившаяся чуть позже телефонными переговорами, переписка, в которой каждый из братьев отправлял письма практически каждые месяц – два. Но послания Льва Сергеевича остались в Канаде и, скорее всего, утеряны. А вот более 60 писем Дмитрия Сергеевича Шаповалова после смерти писателя Овалова сохранила его вдова, Валентина Александровна. У неё-то я и познакомился с этими замечательными по эмоциональности произведениями эпистолярного жанра, сохранившими суть и дух русского человека, волею судьбы заброшенного за тысячи километров от Родины. Братьям так и не удалось встретиться лично, они не увидели друг друга лицом к лицу. 27 лет незнания и молчания, 8 лет переписки, а потом ещё 20 лет Лев Сергеевич бережно хранил письма любимого брата, рассортировав их по годам и подписав даты на каждом из них – наверняка перечитывал. Со смертью Дмитрия Сергеевича ушёл из жизни писателя по-

следний человек, связывавший его с юностью и с матерью. В предисловии к роману «Утренние заморозки», вышедшем в издательстве «Советский писатель» в 1979 году, Лев Сергеевич посвятил брату такие строчки: «Брат. Лучший брат в мире, воплощение верности и преданности... И брата уже нет, – история его жизни сложилась столь замысловато, что о нём надо писать отдельную книгу.»

Писатель Лев Овалов, несмотря на 15-летнюю отсидку в лагерях и в ссылке, до конца жизни оставался правоверным коммунистом. Эмигрант Дмитрий Шаповалов превратился в убеждённого сторонника западной демократии. Но это несколько не мешало им, поскольку оба всегда старались придерживаться одного и того же принципа: надо или стараться говорить правду, или молчать там, где сказать правду невозможно.

А теперь, читатель, несколько отрывков из других писем Дмитрия Сергеевича Шаповалова, посвящённых разным момен-

там его нелёгкой жизни. Я эти отрывки извлёк произвольно и озаглавил – для того, чтобы читатель получил представление о человеке, прожившем пять лет на Орловской земле (в 1918–1923 годах), москвиче, который встретил войну лейтенантом на западной границе, а закончил земную жизнь на другом конце света – в Канаде.

О войне и о том, как лейтенант

Д. Шановалов оказался за пределами Родины

«Вскоре после моего отъезда из Москвы начались соответствующие события: Польская компания, Финляндия, Буковина. За всё это время, вплоть до войны, большой войны, мне ни разу не удалось побывать в Москве. Я ни разу не удосужился написать вам...

А потом война, большая война.

Я не оглянулся назад, на преступников и «врагов народа», это было для меня давно ясно. Я увидал врагов впереди себя: на мою родину напали, я должен её защищать и защищал, долгое время. Отступление было

жуткое, страшное: с боями, с потерями, но не сдавались.

А что же оказалось? Оказалось, что на третий день войны исчез командир дивизии, генерал-лейтенант, исчез начальник артиллерии (генерал-майор), а политотдел дивизии и «все политработники», с мала до больших, исчезли в первый же день войны, как их и не было. Мы оказались предоставленными сами себе: и отходили с боями через все, враждебно к нам настроенные, «освобождённые» нами, страны – Литву, Латвию, Эстонию.

Первый период войны Вы и без меня хорошо знаете: окружение за окружением, мешок за мешком. В одном из окружений я был ранен и взят в плен.

Это был тяжёлый период: для здоровых было тяжело, а для раненых вдвойне. Многие погибли, а некоторые уцелели, в том числе и я. И так мне пришлось пребывать в плену вплоть до окончания войны.

После капитуляции мы оказались с расплавленными мозгами, и, надо сказать,

этому ещё поспособствовали свои братишки. Многие, в том числе и я, оказались с расплавленными мозгами в невесомом состоянии.

Это состояние продолжалось почти целый год, состояние не особенно приятное, а потом... Потом Франция, потом Бельгия, потом Англия и потом, наконец, Канада, где я и приземлился».

(Из письма от 2 мая 1967 года).

О своей жизни и работе в Канаде

«Живу, работаю, время коротаю.

Квартира у меня хорошая, пять комнат, шестая кухня, ванная комната, уборная, конечно, и ряд кладовок. Этот дом старинной постройки, и квартира рассчитана только на семью. Семьи у меня нет, только в иллюзии, но она меня вполне удовлетворяет, и я к ней привык. Немножко шумный район, очень много детей, но я же живу не на улице, а живу в квартире. А дети у меня все приятели. Иногда просто стараюсь проскочить на улице незаметно, иначе попадаю в

детское окружение: тому 5 центов, другому 10 центов – сам избаловал. А когда начинаю мыть машину, помощников является без конца, и каждому нужно обязательно из шланга мыть. Это для них удовольствие и, вместо того, чтобы вымыть машину за час, с ними уходит два часа. Пока не отправишь их за покупками мороженого или шоколада, или что они хотят, и только тогда спокойно закончишь мытьё.

Менять квартиру всё равно надо будет: очень шумно стало. Наверху четверо детей, французы, вдова, живёт уже здесь лет шесть, дети подросли, стало больше шума, хотя отношения у меня с ней очень хорошие.

Внизу в этом году поселился португалец с шестью детьми, а я в середине один – полное окружение. Молодые растут, а я старею, хочется больше покоя.

У меня «большое» хозяйство: две собаки, две кошки, была ручная белка, которая по моей оплошности отравилась, и небольшая библиотека. Библиотека почти исключительно состоит из русских классиков, есть

кое-кто из иностранных, есть и современная советская литература. Выписываю журналы: «Новый мир», «Москва», «Юность». Время от времени покупаю и ещё кое-что из периодической печати: «Огонёк», «Крокодил». Постепенно свою небольшую библиотечку пополняю, в зависимости от поступления книг из Москвы.

Так вот жизнь и протекает.

Со своими животными мы большие друзья. Собаки мои охотничьи, дурашливые, но славные... Осенью, когда открывается сезон, езжу с ними на охоту. Зимой провожу время за чтением. Летом, в свободное от работы время, занимаюсь рыбной ловлей – этот вид спорта здесь очень популярен и распространён среди населения.

Теперь о работе

Работаю я на заводе полу – металлургическом, полу – химическом, в совершенно секретном цехе. Мы туда приходим, раздеваемся, одеваем спецодежду и в течение восьми часов никуда не выходим. На завтрак

и обед приносим с собой, едим два раза (это установлено по всему заводу), всё это, завтрак и обед, входят в 8-часовой рабочий день. На каждую еду отводят по полчаса. Помимо принесённого с собой (некоторые ничего не приносят) имеются автоматы: автоматы с разными водами (кока-кола, пепси-кола, разные лимонады и ещё ряд разных вод с разнообразными названиями и разными вкусами – кому что нравится), автомат с молоком, автомат с кофе и какао – какой хочешь, с сахаром или без сахара, с молоком или без молока, автомат с пирожными (французы очень любят сладкое), автомат со всевозможными супами и мясными консервами, автоматы с булочками и автомат с сигаретами, так что можно с собой приносить и не приносить – всегда будешь сыт.

Помимо автоматов на заводе есть «Ресторан», по-нашему, – «Столовая», где можно заказать горячий обед, и охрана доставит к обеденному времени. Этот «Ресторан» для всех: нет никаких специальных столовок для ИТР, ударников, администра-

ции завода и т.п. «высших» рангов. В одно и то же время приходит есть и рабочий, и директор завода и, взяв кому что по вкусу, садятся за первое свободное место.

По правилам техники безопасности все должны носить каски из твёрдой пластмассы (это повсеместно, по всей Канаде), так же директор, и вся администрация обязана пользоваться на территории и в цехах; разница только в цвете.

Цех наш специфический: день и ночь горят печи, варятся котлы, где при помощи кислот обрабатывается специальная масса... Летом большая жара, и время от времени появляется газ (чему все радуются, отправляются в комнату для еды, берут воду, кофе, пирожные, и начинается трескотня о чем угодно, только не о работе, пока не придут и не скажут, что можно идти). Помимо отпущенного времени на еду, можно в любое время пойти в комнату для еды, выпить воды, кофе, съесть пирожное – никто слова не скажет, это не возбраняется по всему заводу, да, пожалуй, и по всей Канаде. Пока не при-

дет бригадир (здесь называется Foremen), придёт, посмотрит, пройдёт мимо, сказать ничего не скажет, потому что перед каждым стоит недопитая бутылка воды или стакан кофе; по этикету не полагается беспокоить – пускай допьют.

Потогонной системы здесь нет: всё оплачивается по часам. Позапрошлую неделю, в течение пяти дней, мы приходили на работу, но не работали – сидели, развлекались и слонялись из угла в угол – всё стояло. Погода была парная, низкое давление, и все отходы стелились по земле. В таких случаях жители, живущие вблизи завода, жалуются в полицию, полиция звонит на завод с требованием приостановить всю работу, погасить печи, и если не остановят, будет подано в суд, а суд не помилует – оштрафует завод на кругленькую сумму. Такой случай был несколько лет назад, и теперь, как только звонок полиции, сейчас же всё приостанавливается, пока не изменится направление ветра...

Несмотря на такие условия работы, все, в своём большинстве, изнывают от без-

делья. Учтите: три смены и плюс дневная смена, работающая на подсобных работах. В пятницу, после обеда, атмосферные условия изменились, и работа возобновилась. Администрация решила, что надо работать в субботу и воскресенье, наверстать упущенное. Оплата сверхурочная: в субботу в полуторном размере, в воскресенье – в двойном. Бригадир обходил каждого и спрашивал: сможете ли придти на работу, если нет, надо найти ему заместителя. Некоторые отказываются, предпочитая куда-либо выехать за город, на пляж, или вообще не хотят работать по субботам и воскресеньям, особенно летом.

После работы душ, мыла сколько угодно, и ещё дополнительно, еженедельно, выдаётся кусок хорошего туалетного мыла.

Если предлагают работать в праздник, то оплата – в 2,5 размере. Есть, конечно, и разница: всё зависит от величины предприятия и коллективного договора между работодателями и рабочими, при содействии «Унии», то есть профессионального союза.

Не помню, сколько лет назад правительством установлена минимальная оплата труда за час, и это постановление никто не может нарушить, иначе имеется для этого суд, который всегда стоит на стороне пострадавшего. Вот видите, какие условия работы при «жесточайшей» эксплуатации в капиталистическом обществе. С каждым годом социальные законы прогрессируют, независимо от того, какая партия пришла к власти».

(Из письма от 30 июня 1970 года).

О выборах в Канаде

«Правительство Трудо (в нашей прессе фамилию этого премьер-министра писали как «Трюдо» – А.П.) в мае или июне подало в отставку, и были назначены новые выборы правительства – на 8 июля. Предвыборная кампания здесь проводится в очень большом масштабе: каждая партия, а их без конца, выставляет и восхваляет своего кандидата и свою программу. А было их семь партий, так же было и в избирательном бюллетене.

За кого находишь нужным, за того и голосуй; голосование, конечно, тайное.

Партии были предложены в избирательном бюллетене и в предвыборной компании следующие (по порядку, как в выборном бюллетене):

№ 1 – Новая демократическая партия, № 2 – Прогрессивные консерваторы, № 3 – Партия прогрессивных коммунистов, № 4 – Партия коммунистов, № 5 – Партия либералов, № 6 – Партия марксистов-ленинистов Мао Дзе Дуна (особая), № 7 – Партия социального кредита. Это всё было представлено в избирательном бюллетене, и я, как полноправный гражданин Канады, тоже участвовал в выборах (я не пропускаю ни одних выборов). Приходят к тебе на дом и спрашивают: «Хотите ли участвовать в выборах?» (безразлично, в каких, – федеральных, провинциальных или местных, городских). Если скажешь: «Нет», уйдут и ещё скажут «Пардон», если – «Да», то запишут как выборщика и оставят выборный бюллетень. 8 июля я, конечно, голосовал за либералов и, к удив-

лению разного г..., они получили большинство.

Почему я голосовал за либералов? Потому, что они нам открыли двери! Нас, русских, как чумы, боялись или, просто сказать, игнорировали: знаменитое «Ялтинское соглашение» определило судьбу русских».

(Из письма от 6 октября 1974 года).

О демократии и социализме.

«...Пошивка у вас дорогая и долгая (вспомни, как Вале шубу шили); везде и всюду надо «смазать», но зато социализм процветает. И, между прочим, я, по своим убеждениям, – социалист. Социализм, это, прежде всего, справедливость, в чём я и убедился здесь. В законности нет разницы: ни между французом, англичанином, ни между пришлым элементом – в законе все равны. Суд отделён от государства, решение суда самостоятельно, и в это его решение никто не имеет права вмешиваться, а за твои политические взгляды вообще не судят.

Если бы ты видел, какие здесь бывают в прессе карикатуры на премьер-министра и ему подобных – у тебя бы волосы на голове встали дыбом, а здесь это в порядке вещей».

(Из письма от 6 октября 1974 года).

«Я даже не знаю, что вам можно писать, а что нельзя, это самое скучное размышление. Мы здесь уже привыкли к другому образу мышления, что думаешь, то и говоришь. Канада признала Красный Китай и установила с ним дипломатические отношения, и здесь открылись магазины с коммунистической литературой и портретами Мао-Дзе-Дуна во всю витрину, маленькими портретами, или, вернее, вырезками из старых газет, с изображениями Ленина и Сталина. Очень интересно – на русском языке объявление: «Цитаты от председателя Мао-Дзе-Дуна».

(Из письма от 30 июня 1970 года).

«В своей стране, на своей родине я окунулся в ложь. Видел эту ложь, чувствовал эту ложь и сам погряз во лжи. Противно!

Противно даже вспоминать об этом. У меня неоднократно возникал вопрос: перед кем я должен быть во лжи? Перед теми, которые сами погрязли во лжи, не отдавая себе отчёта. А я голосовал, я хлопал, оглядываясь на... на своих соседей справа и слева, и подумать только, они оглядывались на меня».

(Из письма от 22 марта 1975 года)

«Социалистическая революция! Социализм – слово заманчивое, но как он осуществляется в жизни, пожалуй, не каждому придётся по вкусу».

(Из письма от 30 марта 1975 года)

Об эмигрантах

«Наши – это русские, украинцы, белорусы, поляки, казаки и ещё: грузины, армяне, калмыки, татары, осетины, азербайджанцы и т.д., без конца. Всё это невозвращенцы после Второй мировой войны, все это, в своём большинстве, бывшие военнослужащие Красной Армии? начиная от генералов и кончая последним красноармейцем. Все они,

в своём большинстве, безграмотные или малограмотные люди, но с претензией на «большую» культуру. Правда, среди «невозвращенцев» есть и образованные, интеллигентные люди, но их меньшинство, как и всегда интеллигенция остаётся в меньшинстве по отношению к своему народу».

(Из письма от 21 июля 1974 года).

«Есть здесь один (может быть, их и много) бывший комиссар, выдавал себя за полковника, я-то немножко в этом разбираюсь. Ходил по тавернам, собирал вокруг себя людей. А первое время это сборище эмигрантов: каждому надо о чём-то похвалиться. Ну он, конечно, и хвалился: кем был, как людей воспитывал, как воевал. А люди-то, в большинстве своём, самые обыкновенные, бесхитростные люди слушали его, ну и пили, конечно, дабы он ещё покупал, чтобы слушали его бахвальство, а потом как-то сказали: «Какого ты х... сюда ехал, уходи и больше не приходи, а то будет твоя морда разбита. Теперь его можно только в церкви

увидеть, но и там не успокаивается, но там ему хоть морду не набьют – это он учитывает. Этот человек считает себя в высшей степени интеллигентным человеком, ему равных нет. Только вот неравные ему чуть морду не набили».

(Из письма без даты).

«Было много перипитиев в послевоенный период: был и украинцем, был и поляком, и был чёрт его знает кем, но, как появилась возможность восстановить свою национальность, я стал русским, русским православным, какими были мои отцы и деды, матери и бабки...».

(Из письма от 18 мая 1970 года)

О выставке ЭКСПО-67

«24 октября, под вечер, отправился на выставку и все последующие дни околачивался там вплоть до закрытия. Группу, с которой вы должны были приехать, видел несколько раз на выставке, все ходили табуном под руководством «гида». Это очень броса-

ется в глаза по многим внешним признакам – как-то даже становится обидно...

Весь период своей болезни я использовал на посещение выставки и пропадал там по целым дням. Постоянный билет я приобрёл ещё в 1966 году, осенью, стоил он 22 доллара 50 центов на весь сезон открытия выставки. Потом это стоило дороже, но сделал всё заблаговременно. Это было очень удобно: в любое время дня и ночи можно было входить беспрепятственно. Острова с павильонами закрывали в 9 вечера, а увеселительный остров, так называемый «La Rond», функционировал вплоть чуть не до утра – со всевозможными аттракционами, лотереями, тирами, барами, ресторанами, танцами, спортивными выступлениями и т.д. и т.п. Я посещал выставку с большим интересом и большим удовольствием: можно было посмотреть весь мир в миниатюре. Больше, пожалуй, уже не придётся увидеть.

В этом году выставка опять будет открыта с 17 мая по 14 октября. Некоторых павильонов не будет, но пополнится други-

ми, не участвовавшими в прошлом году. Советский Союз участвовать не будет, его павильон разбирается и будет отправлен в Советский Союз. По каким соображениям это делается – неизвестно, но все страны, участвовавшие в ЭКСПО-67, оставляют свои павильоны в дар городу Монреалю – это хороший жест. Советский павильон не так был популярен, как любопытен, что понятно: слишком долго СССР был отрезан от внешнего мира. Да и сейчас этим особенно похвастаться нельзя. Обидно становится за свой народ, как будто он у бога телёнка съел.

Ведь интересно то, что здесь никто никогда не сказал: «Вы были в советском павильоне? Вы осмотрели советский павильон? Пойдёмте в советский павильон – и так далее. Услышать можно было: «Вы были в Русском павильоне? Вы осмотрели Русский павильон? Пойдёмте в Русский павильон». На протяжении всего моего пребывания за границей я не слышал, чтобы кто-то сказал: Советский Союз, советские, а только

слышишь: Россия, русские. Хорошие или плохие, а всё равно во всём виноваты в прошлом и в хорошем и в плохом – русские. И, бесспорно, во всём мире авторитет завоевали Россия и русские. Было на выставке обидно: почва, на которой вырос и окреп Советский Союз, не была отражена, историю России отразили в двух с половиной иконах – на этом всё ограничилось. И выходит, что Россию корова языком слизнула.

Осматривая другие павильоны, не говоря уже про западные державы, а даже такие, как вновь образовавшиеся африканские государства, азиатские государства, южноамериканские государства, югославский павильон, – везде я мог найти истории данных государств.

Для меня посещение выставки было очень удобно: автобус от дома, и через 20-25 минут я попадаю в центр выставки, в гущу людей всевозможных национальностей. Перед глазами пестрит цвет, одежда, язык, смех, шум, старые и малые...

Главное преимущество (выставки) было, что она была расположена почти в центре города, на островах реки Святого Лаврентия, с главным островом Святой Елены, где сохранились ещё старинная «Цитадель» и замечательный парк. Гористая поверхность этого участка острова с парком также входила в территорию выставки, и уставшие люди находили там замечательный отдых. Помимо павильонов, много было построено эстрадных площадок, открытых и закрытых театров, движущихся автомобильных платформ с оркестрами-джазами, акробатами, конькобежцами (в такую жару) на специальных платформах с искусственным льдом и т.д. Всё это обслуживало публику в течение дня и всего сезона. Масса была киосков с сувенирами всевозможных национальностей, чуть не на каждом шагу «обжорные» киоски (я их так называю),.. Большинство павильонов имеют свои рестораны со своей национальной кухней. Всё было предусмотрено заранее.

Два моих знакомых расхрабрились и отправились на выставку, ничего там толком не увидели, побывали только в «Советском» павильоне (как говорят, «повидали своих»), оставили в ресторане 150 долларов и еле-еле, на такси, добрались до дома. Номер отбыли, выставку «осмотрели» и тем их посещение и ограничилось – у всякого свой интерес. Это самые обыкновенные рабочие парни, с небольшим недельным заработком, но любят по-русски загулять так загулять – «на последнюю пятёрку».

Я от выставки получил громадное удовольствие, какое-то моральное и духовное удовлетворение....».

(Из письма от декабря 1967 – января 1968 года).

О 70-летию Льва Овалова и о прошлом

Дорогой мой Лёвушка!

29/16 августа 1905 – 70. Дата рождения и дата продолжения жизни! 29 августа тебе исполнится 70 лет, шутка ли сказать?

Сколько за это время прожито и ...пережито?

С чем тебя поздравить? Поздравляю тебя с днём рождения и поздравляю тебя с 70-летием, цифра не из малых: желаю тебе ещё много лет здравствовать, желаю здоровья, бодрости духа и береги себя: ты ещё кому-то нужен. Ты и мне нужен: мне так приятно получить твои письма и знать, что ты жив-здоров, работаешь и обеспечиваешь семью, но на нашу встречу всё больше и больше отпадает всякая надежда, но, хотя бы, и письма, и это доставляет известную радость; мне очень понятна вся сложность этой процедуры.

Вспомнил одну фотографию, сохранилась ли она? Полтава, 1905 год. Коляска, мама в коляске с тобой на руках, рядом стоит отец со своими товарищами и провожает маму в Москву после твоего рождения: года 1904-05 окончились для наших родителей благополучно.

Ты мне напомнил об отце! Всё очень хорошо помню: нашу жизнь на С.К., помню

начало, сборы, проводы, отъезд и наше возвращение с вокзала, как в дом повешенного, так оно и оказалось: 1914 год оказался для нас и, особенно, для мамы катастрофой; и все последующие года оказались катастрофой для России. Мы с тобой дотянули до 1975 года, по-разному, но дотянули, и желаю тебе ещё и ещё тянуть свой жребий, уготованный нам родителями. Я на свой жребий не обижаюсь: бывает какая-то неудовлетворённость, но это уже зависит от личных качеств человека, а, в общем-то, обижаться не на что!..

(из письма от 9 августа 1975 года)

...Ты мне написал как-то про Некрасовых: о Е.Д. (Елене Дмитриевне – А.П.) и В.П. (Владимире Петровиче – А.П.)...В одной из посылок ты найдёшь платок и кофточку, адресованные Е.Д. Я очень хорошо её помню, память сразу восстановила по тем годам, так же и П.К. (Петра Кузьмича Некрасова – А.П.)... После моей болезни мама боялась оставлять меня одного и брала с собой в школу. Классы были холодные, и мама

боялась, чтобы я опять не заболел; я был очень слаб. Мама попросила П.К. заниматься со мной отдельно, у них в квартире (она находилась здесь же, при Успенской школе – А.П.). П.К. был очень любезен и не отказал маме в этом.

Я, все часы занятий в школе, сидел у них в комнате и занимался; Е.Д. возилась со своим младенцем. Во время перемен все преподаватели собирались у Некрасовых; П.К. проверял мои занятия, задавал новые, а Е.Д, воспользовавшись минутным перерывом, отдавала маме маленького Володю на руки, а сама бежала вниз по своим хозяйственным делам. Так я и помню В.П, как годовалого младенца на руках у мамы, а теперь он преуспевающий хирург – вот тебе и время! Вспомнив всё это: и П.К., и Е.Д., и маленького Володю, я послал небольшой подарок Е.Д. в память прошлых лет.

В одной из посылок будут часы, адресованные на имя Д.Ш. (Дмитрий Дмитриевич Шаповалов, сын Дмитрия Сергеевича – А.П.). Я лично думаю так: ты его вызовешь и передашь ему от отца и расскажешь всё...

(из письма от 12 июля 1975 года)

(*Пётр Кузьмич Некрасов* – директор Успенской школы, в которой учительницей работала Софья Николаевна Шаповалова, и учились её сыновья Лев и Дмитрий. Пётр Кузьмич скончался в 1922 году, после чего его жена с сыном покинули Успенское и переехали в Орёл.

Елена Дмитриевна Некрасова – жена Петра Кузьмича и учительница Успенской школы.

Владимир Петрович Некрасов – сын Петра Кузьмича, ставший известным хирургом, заслуженным врачом РСФСР, полковник запаса в это время – А.П.).

От автора. Этими отрывками из высказываний полувековой давности я и закончу рассказ о двух братьях и цитирование их писем, чтение которых мне доставило «какое-то моральное и духовное удовлетворение». Может быть, (по крайней мере, надеюсь на это) чем-то эта история «зацепит» и читателя.

Как писатель Овалов место своего рождения искал

Известный советский писатель Лев Овалов, автор популярных в СССР детективных повестей и романов о сыщике и разведчике майоре Пронине, до начала 80-х годов XX века особо не задумывался о таком пустяке, как место собственного рождения. И потому, когда почти во всех литературных справочниках и энциклопедиях он читал о себе, что «родился 29 августа 1905 года в Москве», то лишь саркастически улыбался. С датой рождения всё было верно, но вот место...

Да, Лев Сергеевич Овалов действительно большую часть своей жизни прожил в Москве, однако не в ней он родился, хотя родители писателя были коренными москвичами. Но так уж причудливо (особенно в молодые годы) вилась нить его жизни, что разные тайны окутывали Овалова буквально со всех сторон. Одной из таких тайн, не особо заметной для окружающих, стала загадка с местом его рождения.

Первая страница:

П А С П О Р Т
гражданина
Союза Советских Социалистических республик

Шаповалов он же Овалов
фамилия

Лев
имя

Сергеевич
отчество

XI-МО № 689858

Вторая страница:

29 августа 1905 г.
число, месяц, год рождения

с. Успенское
место рождения

Покровского р-на

Орловской обл.

русский
национальность

II4 отделением
кем выдан паспорт

милиции города

Москвы

Первые страницы паспорта Льва Овалова

Самому Льву Сергеевичу пришлось серьёзно задуматься об этом только в 75-летнем возрасте. Именно тогда, в начале 1980 года, ему сообщили, что Иностранная юридическая коллегия разыскивает родственников скончавшегося в Канаде Дмитрия Сергеевича Шаповалова, оставившего своим близким небольшое наследство.

Как оказался в Канаде любимый младший брат писателя Овалова – история простая и трагическая одновременно.

Выпускник военного артиллерийского училища 1940 года, лейтенант Дмитрий Шаповалов 22 июня 1941 года встретил на западной границе в должности командира взвода 127-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона. И сам дивизион, и 48 стрелковая дивизия, в состав которой он входил, с первых дней войны оказались под ударами численно превосходивших их моторизованных гитлеровских частей и были вынуждены отступить, неся большие потери. Уже к началу июля 1941 года во всей дивизии осталось не более 1100 чело-

век. В январе 1942 года Екатерина Михайловна Шаповалова, проживавшая в Москве по улице Герцена с двумя маленькими детьми, получила извещение о том, что её муж пропал без вести в декабре 1941 года.

Как оказалось впоследствии, командир паркового взвода 127-й ОИПД Дмитрий Шаповалов не погиб, а попал в плен. До апреля 1945 года он находился в одном из фашистских концлагерей, откуда его освободили американские союзники. Домой, опасаясь наказания за попадание в плен (да ещё офицер!), Дмитрий Сергеевич возвращаться не стал. Поскитавшись несколько лет по Европе, Шаповалов перебрался за океан, где в начале 50-х годов осел на постоянное место жительства в большом канадском городе Монреале.

Трудился на химико-металлургическом заводе, зарабатывая неплохие деньги, но тратить их особо было некуда, поскольку новой семьей Дмитрий Сергеевич так и не обзавёлся. С середины 60-х, сумев наладить связи с братом Львом, гражданин

Канады Шаповалов начал регулярно писать на родину письма и отправлять туда продуктовые и промтоварные посылки, радуясь, что хоть чем-то помогает родственникам.

Звал младший брат старшего к себе в Монреаль в гости, и тот даже пообещал. Однако в силу разных обстоятельств поездка так и не состоялась. Очень ждал Дмитрий Сергеевич своего ухода на пенсию (тогда, по канадским законам, этот возраст наступал в 68 лет), но пожить спокойно на заслуженном отдыхе ему не довелось. Кладбище Равдон под Монреалем стало местом последнего пристанища лейтенанта Дмитрия Шаповалова.

Несколько лет канадские юристы искали родственников умершего и, в конце концов, вышли на родного брата умершего – Льва Сергеевича Овалова (Шаповалова). Однако ему, чтобы вступить в права наследника, требовалось доказать свою родственную связь по отношению к канадскому гражданину Дмитрию Шаповалову. Долгая это оказалась процедура, много бумаг пришлось

собирать Льву Сергеевичу, а потом отсылать в разные инстанции. Вот тогда-то пришлось вспоминать ему о месте рождения, тем более, что оно было вписано в паспорт – главный документ любого советского человека.

И что же было записано там, на второй странице? А то, что «Гражданин Союза Советских Социалистических Республик Шаповалов, он же Овалов, родился 29 августа 1905 года в селе Успенское Покровского района Орловской области». Никакой он, оказывается, не москвич, а сельский житель с Орловщины – такая вот петрушка!

Но такой записи в паспорте чиновникам из Инюрколлегии оказалось недостаточно, они потребовали от Овалова представить подлинный документ о рождении, а его-то у писателя не оказалось.

Откуда же тогда появилась запись о месте рождения в паспорте Льва Сергеевича? Да всё проще простого. Когда в 1919 году в селе Успенское активист Лёва Шаповалов вступал в комсомол, а метрической выписки у него, приехавшего с матерью и

братом из Москвы в Орловскую губернию спастись от голода, не оказалось, то новоиспечённого комсомольца без всяких подтверждений записали местным уроженцем: первые советские чиновники ещё не знали пословицы «без бумажки ты какашка, а с бумажкой человек».

Мать Льва, Софья Николаевна, эту запись увидела не скоро – а потом уже было поздно, хотя и рассказала она старшему сыну, где он на самом деле родился.

В автобиографии, написанной в марте 1980 года и присланной в числе многих других документов в адрес Покровского бюро ЗАГС, Лев Сергеевич Овалов написал об этом так:

«Родился я 29 августа 1905 года – в 1905 году мой отец был призван в армию на так называемые офицерские сборы и на несколько месяцев был направлен в Полтаву. Мать поехала его навестить, где я и родился, вскоре после моего рождения родители вернулись в Москву.

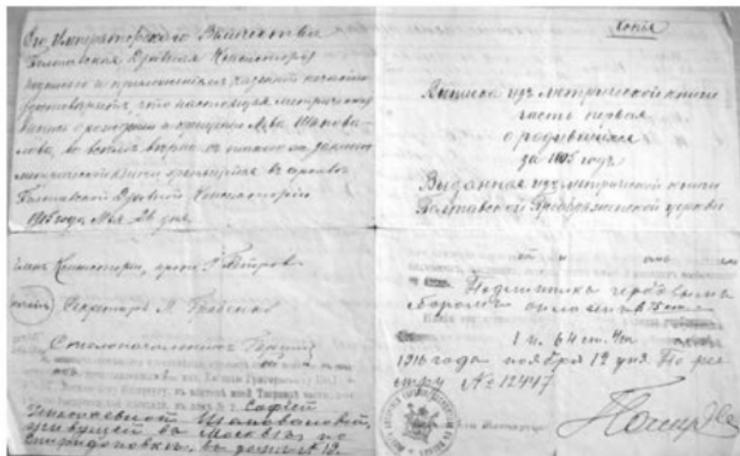
В апреле 1907 года у них родился второй сын и мой брат Дмитрий, – других детей у них не было».

В Покровском ЗАГСе, естественно, записей о рождении Льва Шаповалова в селе Успенское не нашли, да и не могли – он там проживал почти пять лет, но не в 1905-1910, а в 1918–1923 гг.

Однако и в Полтавском городском ЗАГСе, куда также обращался писатель в 1980 году, метрическую выписку на него не обнаружили. И потому, на основании почти двухмесячных безрезультатных поисков подлинных документов о рождении Овалова, председатель исполкома Октябрьского районного Совета Москвы Б.Селиванов (в ЗАГС именно этого района первоначально обращался Лев Сергеевич – А.П.) издал распоряжение №276 от 2 декабря 1980 года:

«Произвести восстановление актовой записи о рождении за 1905 год на гражданина Шаповалова Льва Сергеевича по Покровскому райбюро ЗАГС Орловской области (по месту рождения, указанному в паспор-

те). Указать сведения о родившемся: Шаповалов Лев Сергеевич родился 29.08.1905 года в селе Успенское Покровского района Орловской области».

Метрическое свидетельство Льва Овалова

Писатель Овалов после эпопеи с выяснением документов о месте своего рождения прожил ещё 16 лет – прожил как официальный уроженец Орловской области, даже не догадываясь, что полтавский документ все годы его жизни был всегда рядом – среди других семейных бумаг. Но разобрать их

до конца Лев Сергеевич так и не успел, хотя последнее время писал как раз роман-биографию.

Книжки из библиотеки князя Сергея Сергеевича, описанные за 1895 год

№	Имя	Наименование книги	Наименование автора	Наименование издательства	Наименование места издания
28	Меншиков	Историческое описание государства Российского в царствование Императора Петра Великого	С. Я. Биллингс	С.-Петербург	1800
16	16	Историческое описание государства Российского в царствование Императора Петра Великого	С. Я. Биллингс	С.-Петербург	1800
16	16	Историческое описание государства Российского в царствование Императора Петра Великого	С. Я. Биллингс	С.-Петербург	1800

Всего в библиотеке князя Сергея Сергеевича 100 книг.

С. Я. Биллингс

По завещанию писателя большая часть его обширного архива была передана в фонды Объединённого Государственного Литературного музея И.С. Тургенева. Там-то, при подготовке выставки к 100-летию со дня рождения Льва Овалова (это был 2005 год), обнаружилась копия его метрического свидетельства.

Этот документ я процитирую (в современном написании):

«Копия.

Выписка из метрической книги

Часть первая

О родившихся за 1905 год

**Выданная из метрической книги
Полтавской Преображенской церкви**

Счёт родившимся – 29,

Месяц и день рождения – август, 16

(ст. стиль – А.П)

Месяц и день крещения – август, 26

(ст.стиль – А.П.)

Имена родившихся – Лев

*Звание, имя, отчество родителей и
какого вероисповедания –*

**Подпоручик 74-го Ставропольского
полка Сергей Владимирович Шаповалов и
законная его жена София Николаев-
на, оба православного вероисповедания**

*Звание, имя, отчество и фамилия вос-
приемников – Подпоручик 36-ого запасного
батальона Митрофан Лукич Тимофеев и
дочь статского советника София
Николаевна Сомчевская*

*Кто совершал таинство –
Священник Иаков Костецкий с диа-
коном Иоанном Терлуцким и псаломщи-
ком Григорием Памохою.*

*Что настоящая выпись с метриче-
скою книгою верна, то подписью и прило-
жением церковной печати удостоверяю.
1905, ноября, 15 дня.*

*Полтавской Преображенской церкви
священник Иаков Костецкий.»*

Преображенская (Спасская) церковь города Полтавы

Копия была сделана в Полтаве 26 мая 1915 года, заверена штампами, печатью и подписью московского нотариуса Е.Г. Полуэктова 12 ноября 1916 года.

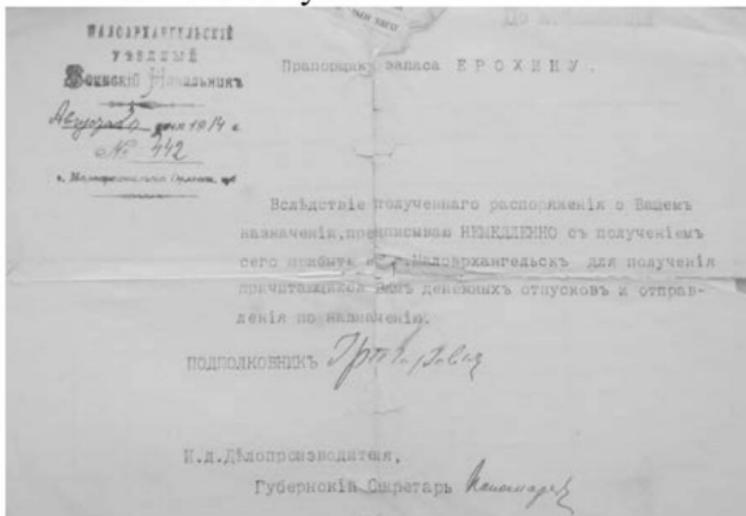
На основании найденного документа отныне можно внести изменения во все литературные справочники и энциклопедии: «Известный русский советский писатель, автор детективных произведений о майоре Пронине, Лев Сергеевич Овалов родился 29 августа 1905 года в Полтаве» (хотя – и я уверен в этом стопроцентно – село Успенское, записанное в его паспорте, он и сам привык считать настоящим местом своего рождения – А.П.)

Дмитрий Ерохин – отчим писателя

С семьёй Шаповаловых дружил врач Дмитрий Дмитриевич Ерохин. Эта дружба завязалась на военных офицерских сборах 1905 года, в Полтаве, куда приехала навесить мужа Сергея беременная Софья Шаповалова.

«Отец» майора Пронина

Когда Сергей Шаповалов погиб в самом начале Первой мировой войны, то Дмитрий Ерохин стал помогать вдове и детям по мере своих сил и возможностей, а в 1915 году предложил Софье Николаевне выйти за него замуж.

Вот с этого времени Дмитрий Дмитриевич Ерохин стал не просто членом семьи Шаповаловых, он возглавил её, взяв на себя все заботы по материальному обеспечению и воспитанию детей. Лёва и Митя для него стали не пасынками, а настоящими, собст-

венными детьми (тем более, общих детей с Софьей Николаевной у них не появилось).

Дмитрий Дмитриевич Ерохин

Когда наступили трудные годы гражданской войны, то в Москве народ голодал. Врач Дмитрий Ерохин в это время записался добровольцем в Красную Армию. Но он не мог бросить семью на произвол судьбы, и уговорил

городскую уроженку и жительницу Софью Шаповалову-Ерохину переехать на какое-то время в село Успенское Малоархангельского уезда Орловской губернии, откуда он сам был родом, и где проживал в это время один из его братьев – Фёдор.

Фёдор Дмитриевич Ерохин был, по местным понятиям, «крепким мужиком»,

даже «кулаком», с приличным домом, хозяйством, несколькими десятками десятин земли и отдельно стоящим хутором. Он принял семью брата без особого восторга, но жильём и питанием родственников обеспечил. А потом Софья Николаевна Шаповалова устроилась учительницей в местную Успенскую школу, начав самостоятельно зарабатывать на хлеб. Здесь, в Успенском, были заложены и основы личности обоих её сыновей – будущего писателя Льва Овалова и будущего красного командира Дмитрия Шаповалова. Впрочем, это отдельная история.

Я же продолжу рассказ об их отчине Дмитрие Ерохине. По словам Скальда Шаповалова, старшего сына писателя Овалова, дед был «уникальной личностью, рыцарем без страха и упрёка».

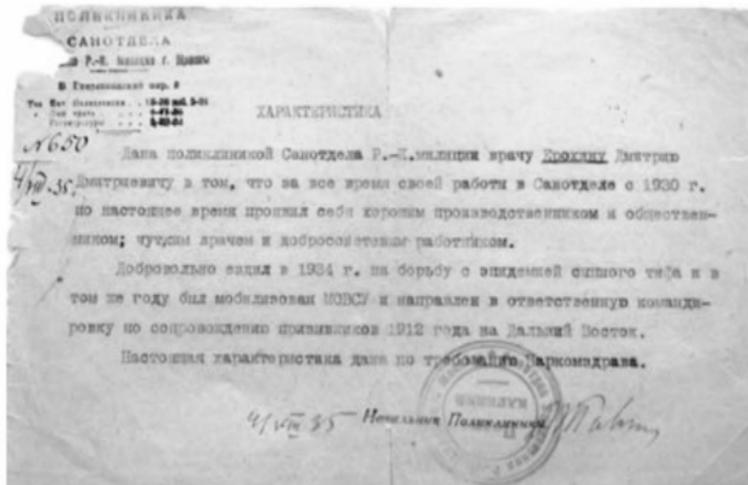
Родители его мечтали о священнической карьере для отпрыска, и Дмитрий Ерохин учился вначале в Орловской Духовной семинарии, но потом резко поменял жизнь, поступив на медицинский факультет Варшавского университета. Учился усердно и с

энтузиазмом. При проведении каких-то опытов его уговорили добровольно, ради науки, удалить все зубы, и Дмитрий Ерохин всю жизнь потом носил зубные протезы.

Участвовал он в Первой Мировой, а потом – и гражданской войне на стороне Красной Армии (кстати, как и второй его брат, Константин Дмитриевич, который был командиром пехотной роты). Это потом и спасло семейство в Успенском, где Шаповаловы благополучно пережили трудные голодные и военные годы.

Добрый, искренний, обязательный, Дмитрий Дмитриевич был замечательным отчимом и отличным специалистом. После окончания гражданской войны и возвращения всего семейства в Москву он работал в поликлинике санотдела милиции, в Столовом переулке, и как написали в характеристике, показал себя «чутким врачом и добросовестным работником». В 1934 году добровольно выезжал в экспедицию на борьбу с эпидемией сыпного тифа, а позже сопрово-

ждал призывников до места их назначения на Дальнем Востоке.

В 1937 году ему, как члену семьи «кулаков» грозил арест, но его предупредил хорошо относившийся к нему начальник: «До завтрашнего дня покиньте Москву...». Ерохин уехал в Казахстан, а за ним потом последовала и верная жена, Софья Николаевна.

Выждав некоторое время, Дмитрий Дмитриевич вернулся в Москву, но устроился на работу в сельской местности, заведовал больницей в селе Старое Егорьевского

района (30 км от Егорьевска). Главврач так мобилизовал всех своих работников на разведение огорода, что с его помощью на целый год обеспечивал продуктами больницу.

У лечебного учреждения были лошади, сено для них заготавливали сами работники, а местный председатель колхоза обеспечивал животных овсом. Ерохин умудрился с помощью подсобного хозяйства даже заработать деньги на покупку рентген-аппарата и оборудования для лаборатории по самому высшему образцу, за что чуть не попал под суд. Его больница стала первой среди сельских лечебных учреждений Московской области.

Кстати, возвращаясь из Средней Азии, Дмитрий Дмитриевич привёз и фактически воспитал умиравшую девочку-узбечку, Марген (она потом вышла замуж и жила в Казани, приезжая к Шаповаловым в гости).

В годы Великой Отечественной войны майор медицинской службы Ерохин был назначен начальником 194-го военно-санитарного поезда, с которым проехал всю

страну и добрался до Европы. Как отметил в наградном листе его начальник, генерал-майор Фрид, майор Ерохин показал себя опытным организатором, который сумел отлично поставить лечебную работу в поезде и «лично принимал участие в лечении перевозимых раненых бойцов и командиров». Наградой за многомесячный, бессонный труд Дмитрию Дмитриевичу стал орден Красной Звезды, которого он удостоился по окончании войны.

Сохранилось несколько писем Ерохина к Льву Овалову, в которых видны их отношения. Прочитую отрывок из одного, послевоенного, от 25 сентября 1946 года:

«Дорогой Лёва, здравствуй! Прости, что редко пишу, ведь ты знаешь, какой я писака. Но думаю, что этот пробел несколько не может влиять на наши отношения и мои к тебе тёплые чувства.

Мы часто вспоминаем о Вас и о тебе особенно, потому что Дмитрия в живых... нет. Погиб ли он смертью храбрых или умер в одиночку? Или, быть может, в числе не-

многих, вычеркнутый из списка живых, когда-либо появится?»... (лейтенант Дмитрий Ерохин пропал без вести в декабре 1941 года – А.П.)

Всю жизнь борющийся за здоровье других, в том числе, и близких людей, Дмитрий Дмитриевич Ерохин своё собственное здоровье не уберёг. Он скончался 23 октября 1947 года, едва перейдя 60-летний рубеж: двусторонний туберкулёз лёгких, болезнь бронхов и кардиосклероз нанесли врачу тройной удар, от которого он не оправился.

Похоронили Дмитрия Дмитриевича на Ваганьковском кладбище. Могила его не сохранилась. Не осталось следов и от родовой усадьбы Ерохиных в селе Успенское. Облик врача Ерохина донесла до нас единственная его фотокарточка с какого-то документа. Посмотри на неё, читатель: вот такими настоящими и бескорыстными, жертвенными интеллигентами земли Российской создавалась слава нашей культуры и науки.

Историческая подоплёка «Рассказов майора Пронина»

Как ни удивительно и как ни странно будет это узнать читателям детективных произведений Льва Овалова, но почти все они – совсем не плод фантазии автора, а основаны на вполне реальных событиях, причём, происходивших тогда, когда ещё и не было в помине той самой подозрительности и шпиономании. А была реальная борьба молодого Советского государства за выживание во враждебном окружении, с наличием большого количества реальных, а не выдуманных врагов.

Сюжет первого из «Рассказов майора Пронина» основан на событиях, происходивших в Петрограде, в период подготовки наступления на него армий генерала Юденича, когда в северной столице готовилось контрреволюционное выступление, чтобы помочь белогвардейцам захватить город. Действуют в рассказе «Синие мечи» иностранный шпион Роджерс (вообще-то, это сквозной персонаж, шпион, которого Про-

нин ловит в первых рассказах и только в последнем, шестом, наконец-то, добивается своей цели – А.П.) и его пособница Борецкая.

Пронин (с помощью товарищей, конечно) разоблачает контрреволюционную организацию «Синие мечи», арестовывает Борецкую, но Роджерс успевает (он очень хитёр! – А.П.) скрыться от ареста.

А вот передо мною «Красная книга ВЧК» в двух томах, изданная в 1922 году, в которой помещены следственные материалы по делам контрреволюционных организаций за 1918-1919 годы. Двухтомник был переиздан в 1989 году Политиздатом. Из него я почерпнул следующую информацию.

В ноябре 1919 года петроградские чекисты раскрыли английскую шпионскую сеть, организатором которой был агент секретной службы «Интеллидженс сервис» Поль Дюкс (клички – Павел Павлович и Шеф – А.П.). Этот разведчик, заброшенный в Россию ещё до революции, имел большие связи среди русских, хорошо владел он и

русским языком. После Октября 1917 года Дюкс получил задание приступить к разведывательной и диверсионной работе в Советской России.

Ему удалось войти в доверие к работникам некоторых советских учреждений и организовать передачу сведений в Лондон через английские консульства в Гельсингфорсе и Стокгольме.

Когда Поль Дюкс 30 августа 1919 года покидал Россию, он передал свои контакты активистке подпольного «Национального центра» Н.В.Петровской (клички – Мария Ивановна и Мисс – А.П.). Эта женщина, врач по профессии, вступив в члены ВКП(б), активно работала в петроградском контрреволюционном подполье. Именно она координировала деятельность контрреволюционных и шпионских групп в Петрограде, поддерживая наступление генерала Юденича. Кстати, на материальную поддержку подполья уезжавший в Англию Дюкс пообещал 500 тысяч рублей.

Думаю, что у внимательных читателей рассказа после этого уточнения не возникает сомнений, что оваловский Роджерс – это и есть Поль Дюкс, умный, хитрый и ловкий враг, а Борецкая, пособница Роджерса в рассказе – это Петровская в реальной жизни.

Во втором рассказе – «Зимние каникулы» – события развиваются вокруг советско-финской границы, через которую, тогда ещё плохо охраняемую, регулярно проникали на нашу сторону незваные гости.

Тот же Поль Дюкс оба раза – в Россию в 1918 году и из России в 1919 году приходил и уходил этим путём (так Роджерс делает это и в рассказе «Зимние каникулы» – А.П.).

В «Сказке о трусливом чёрте» (третий из первого цикла «Рассказов майора Пронина») события разворачиваются в одном из городов Урала – Крутогорске, где Пронин разоблачает шайку вредителей, которые, договорившись через посредников с иностранцами, пытаются сделать всё, чтобы пе-

редать железорудные шахты в концессию этим самым иностранцам.

Сюжет взят Оваловым из судебного процесса по делу профессора, заведующего геологоразведочной частью треста «Урал-платина» Модеста Клера, который предложил свои услуги в деле получения концессии на платиновые рудники на Урале.

Информацию за границу Клер поставлял через французского разведчика Дюлонга. Уральское ГПУ вышло на след Модеста Клера, он был арестован и в феврале 1924 года осуждён на 10 лет за экономический шпионаж.

Отчёт об этом процессе был опубликован в газете «Правда» 24 февраля 1924 года. Техник Губинский в «Сказке о трусливом чёрте» как раз полностью соответствует образу Клера. Действует здесь и иностранный связник, которого прикрывает из Москвы чиновник с высокой должностью по фамилии Базаров.

Кстати, в Сибири в 1922 году органы ГПУ раскрыли контрреволюционную груп-

пу, которой руководил бывший урядник Оренбургского казачьего войска И.Д. Жванов, изготовивший себе документы на имя А.Ф. Базарова. Лже-Базаров создал крупную контрреволюционную организацию, отделения которой существовали в нескольких городах Сибири. По делу было арестовано в 1922 году около 200 человек, сам Жванов-Базаров и некоторые из его помощников были приговорены к расстрелу (сообщение о процессе появилось в газете «Советская Сибирь» 20 мая 1923 года – А.П.).

И даже такой экзотический эпизод из рассказа «Стакан воды», как попытка организации побега за границу на самолёте, наверняка был взят Львом Оваловым из процесса по делу начальника Ораниенбаумского воздушного дивизиона Б.П. Берга. Он в октябре 1919 года несколько раз посылал лётчиков перелетать в Финляндию, чтобы передавать сведения для готовившегося наступления Юденича на Петроград. Правда, события в «Стакане воды» перенесены по време-

ни уже в 30-е годы, но это не меняет сути: рассказ имеет документальную основу.

Таким образом, сюжеты для «Рассказов майора Пронина» Лев Овалов не придумывал, а брал из реальной жизни, художественно их перерабатывал и превращал в детективные произведения о проницательном сыщике.

**Село Успенское и Успенская волость
в романе Льва Овалова
«Двадцатые годы»**

Выше я уже говорил, что знаковым, главным произведением писателя стал, несомненно, автобиографический роман «Двадцатые годы». Появлению его предшествовала публикация в 1967 году повести «Оперативная карта» (*её прислал мне в подарок Лев Сергеевич в год нашей переписки – «С наилучшими пожеланиями» – А.П.*).

На следующий год в издательстве «Советский писатель» вышла из печати первая книга романа «Ветер над полем». Только

через 11 лет, в 1979 году, то же издательство выпустило в свет вторую книгу, названную автором «Утренние заморозки». А в 1982 году издательство «Молодая гвардия» опубликовало обе книги под одной обложкой и под новым названием – «Двадцатые годы».

Дорога в село Успенское
с 61 километра шоссе Орёл – Тамбов

Этот роман – художественное произведение, и нельзя буквально, один к одному, воспринимать все происходящее на его

страницах как реальные события тех, уже давних лет.

Вид на село Успенское и долину речки Озерны

Да и фамилии действующих в произведении героев почти совсем не совпадают с именами настоящих жителей села Успенское и окрестных деревень (*сам Овалов в предисловии ко второй книге романа, – «Утренние заморозки», прямо подчеркнул, что имена персонажей вымышлены – А.П.*).

Однако Лев Сергеевич 23 февраля 1982 года, во время встречи в Москве с ра-

ботниками музея И.С. Тургенева Р. Алексинной и Л. Максимовой, тем не менее, заметил: *«Фамилии я изменил, но дети героев узнали своих отцов, что-то из событий запомнили».*

Это относится, прежде всего, к двум основным персонажам романа – директору школы Ивану Фомичу Никитину и председателю Успенского волисполкома Степану Кузьмичу Быстрову.

Владимир Петрович Некрасов – заслуженный врач РСФСР

Заслуженный врач Российской Федерации, военный хирург, кавалер многих боевых и трудовых наград Владимир Петрович Некрасов в Иване Фомиче Никитине легко узнал своего отца – Петра Кузьмича Некра-

сова, который и был первым директором советской гимназии в селе Успенское.

Вот что вспомнил о нем один из его учеников Е. Корнеев (*статья «Наш первый просвещенец» в газете «Сельская правда» от 15 января 1966 года – А.П.*):

«Петр Кузьмич Некрасов, уроженец села Успенское, закончил литературный факультет Казанского университета, но добился он этого нелегко...»

Орловские библиографы и краеведы точно вычислили настоящее имя председателя Успенского волисполкома – Вукол Кузьмич Шнырев, и Овалов признал это в предисловии к роману (*«С.К. Быстров – это и есть В.К. Шнырев»*).

О третьем герое писатель рассказал сам. Это Никита Ушаков, которому Лев Сергеевич оставил настоящую его фамилию.

Имели конкретных прототипов и большинство других персонажей романа «Двадцатые годы». Себя писатель вывел под фамилией Славы Ознобишина.

В отличие от героев своего главного произведения географические названия Малоархангельского уезда Овалов сохранил полностью: «... село Успенское это и есть село Успенское, речка Озерна и есть речка Озерна...»

В романе упомянуты почти все населенные пункты Успенской (*иногда ее писали – Успенско-Луначарская или просто Луначарская в послереволюционные годы*) волости: село Успенское, деревни Дуровка, Бехтевка, Семичастная, Николаевка, Журавец, Черногрязка, Самарка (Туровец). Причем, они не просто упомянуты, а исторические события происходят в них, или какие-то герои родом из названных населенных пунктов.

Особенно много места (*да это и верно, поскольку главные герои живут здесь*) уделено селу Успенскому. Если выбрать из романа все географические данные, то получится определенный образ красивого, в целом зажиточного села. Вот каким предстает оно в романе перед читателем.

Село Успенское рассечено оврагом, по дну которого бежит речка Озерна. На солнце золотом блестят соломенные крестьянские крыши, полыхают крашенные суриком железные. Палисадники, палисадники, на левой стороне Озерны, посреди села – новенькая белая церковь, вокруг которой серые домишки.

Тогда, в 20-е годы, здесь жили священнослужители (два попа, дьяконы) и поэтому эту часть села называли Поповкой. *«Умилительно открыта Поповка: если встать лицом к селу, слева от дороги – домики в заросших палисадниках, обиталище местного духовенства, справа – храм и ко-со, точно мост между церковью и деревней, здание церковно-приходской школы, школы II ступени».*

Под Поповкой, на Озерне, – пережат, также именуемый Поповским (вообще Озерна местами глубока).

В романе перечислены, подробно охарактеризованы основные центры общест-

венной жизни Успенского: школа II ступени, Народный дом, волисполком, изба-читальня.

Особенно большое место в романе уделено школе, ведь в ней учатся и работают основные на первых страницах герои романа Овалова.

Вид на Успенскую школу из-за речки Озерны

Белый дом за речкой Озерной – это и есть школа. В произведении говорится, что до революции он принадлежал помещикам Озеровым. Мне в 1982 году ветеран войны и

труда, уже умерший (в 1996 году ему исполнилось бы 100 лет) Михаил Михайлович Климов говорил, что фамилия помещика была Горовцев. Я позже выяснил, что владелицей приличных размеров имения и красивого дома, действительно, являлась София Горовцева, в годы революции эмигрировавшая за границу и скончавшаяся в Париже.

Здание Успенской школы,
в которой учился Лев Овалов

Вот описание в романе внешнего вида здания: *«Белый дом в два этажа, высокие окна, четыре колонны по фасаду и фронто́н,*

украшенный лепными завитушками, – русский ампир начала XIX века». Перед Первой мировой войной помещица заметно обеднела: «От тысячи десятин остались дом, службы и 40 десятин земли. В 16-ом году перед самой революцией, часть земель и дом купили местные мужики (всем обществом). Землю они поделили, а насчет дома стали решать – под школу дом или под больницу». В конце концов, постановили разобрать и поделить все, вплоть до кирпичей и паркета. Ограду и конюшни разобрали, столетние липы вырубали, подобралась к дому, а тут революция. «Задаром отдали деньги. Впали мужики в каталептическое состояние, а когда пришли в себя и снова двинулись на штурм дома, подоспел Иван Фомич (Никитин – Некрасов) и наложил на дом свою руку – «в этом доме открыть деревенскую гимназию». Волисполком принял решение, и дом отдали под школу 2 ступени (советскую или деревенскую гимназию, как называл ее Никитин).

Мужики со зла вырубил фруктовый сад, от которого остались только обломки кирпичей каменной ограды, множество пней, яблони с обломанными ветками, обрубленная ель, две лиственницы, да очертанные клумбы.

В романе сказано, что с заднего фасада дом выглядел неказисто, стены пожелтели, заднее крыльцо кто-то все же успел увезти. Внутри же дома ничто не напоминало помещичье обиталище, но и школу не напоминало, какая-то перевозданная пустота. Стены и потолки белым-белы, да и полы надраены, отмыты до желтого блеска (как в больнице). На втором этаже дома потолки повыше, здесь когда-то были парадные комнаты. Стоят парты в три ряда, стол для учителя, черная доска на стене.

Е. Корнеев, один из учеников тех лет (о нем выше я уже упоминал) вспоминал, что школа начала функционировать с 1 сентября 1918 года. В первый год в ней был один (предпоследний) класс 2 ступени, а на следующий год школа была укомплектована

полностью. Занималось в ней более 50 человек – старшекласников. Преподавателей было всего пять человек. Сам Некрасов вел литературу, физику и математику. Наверное, сейчас это покажется достаточно странным – литература и точные науки в одном лице. Но Пётр Кузьмич был широко образованный человек и умудрялся совместить несовместимое.

Пётр Кузьмич Некрасов,
директор Успенской
школы

Кроме того, он оказался умелым администратором, сумев привлечь на учительскую работу всех представителей интеллигенции в селе, даже тех, кто и не собирался учить детей. И, наконец, подключил и волисполком, который на содержание школы

ввел налог с мужиков Успенской волости (пуд зерна со двора и по возу соломы для отопления школы).

Но поскольку зарплату ни учителям, ни директору не платили практически вообще, все они жили своим хозяйством («А я и есть кулак – говорит в романе Никитин – Некрасов, – дом, свинья, корова. Достойный объект для зависти»).

Мемориальная доска на здании Успенской школы

Петр Кузьмич Некрасов успевал все делать – и свое хозяйство вести, и в волисполком сходить, и на уроках вовремя быть, и

дать их как следует (причем, на уроках математики и литературы он, как артист, был в разных образах).

Ученики тех лет, Иван и Николай Тимошкины, Александр Бутримов, Михаил Моисеев, Григорий Рябов, Мария Гамазова, Егор Корнеев, Лев Шаповалов запомнили своего директора и учителя на всю жизнь. Жаль только, недолгую жизнь ему довелось прожить. В 1922 году Петр Кузьмич Некрасов умер от брюшного тифа, который тогда лечить не умели.

Еще одним центром общественной жизни села Успенское был Народный дом. Так решением волисполкома был переименован дом одного из помещиков (в романе – Светлова). Дом был основательный, стоял на отлете, в версте от села. В Нардоме оказалась большая и разнообразная библиотека – как из книг помещичьих усадеб, так и книг, изданных уже при Советской власти (тут были, к примеру, сочинения социалистов-утопистов).

Молодежь на сцене Народного дома силами тех, кто занимался в драматическом кружке, поставила несколько спектаклей, в основном по пьесам русских драматургов XIX века. Были населению Успенской волости показаны «Ревизор» Гоголя, «Горе от ума» Грибоедова, «Вишневый сад» Чехова, «Лес» и «Без вины виноватые» Островского и мно-гие другие спектакли. Во время представле-ний было всегда многолюдно (приходила не только молодежь, но и пожилые крестьяне).

Конечно же, важнейшую роль в жизни волости сыграл волостной исполнительный комитет в лице его председателя Степана Кузьмича Быстрова (прообразом, как я уже писал, стал реальный председатель Вукол Кузьмич Шнырев).

Ни одно мало-мальски значительное дело в волости не обходилось без волисполкома и его председателя. Волисполком располагался в здании бывшего волостного правления, неподалеку от лавки и аккуратного домика почты.

Быстрова знали, уважали, боялись и слушались все годы беспрекословно. Он умел поставить себя, где надо – убедить, но большей частью действовал чисто административно. Правда, это иногда было на пользу делу. Так, зимой 1918 года затеяли успенские мужики передел земель, и если бы не Быстров, наверняка бы передрались. Особенно многих привлекали черноземные земли на окраине села, за Кривым лугом. Каждый хотел бы получить себе там участок. Быстров же, явившись на крестьянское собрание, сумел быстро всех успокоить и предложил разделить и учитывая женщин (а не только мужчин, как до революции) и детей. Он же устроил самый справедливый способ дележки участков – по жеребьевке – и тут уж крестьяне не могли пожаловаться на что-то: все было честно и поровну.

Быстров же стал инициатором создания комсомольской организации в селе, предложив Славе Ознобишину (Льву Овалову) стать во главе этого дела. И вскоре, к осени 1919 года, в Успенском существовала

одна из крупнейших на Орловщине комсомольских организаций.

Экспозиция Покровского краеведческого музея –
«Первые комсомольцы края»

Комсомольцы проводили работу по ликвидации неграмотности среди крестьян, вели читку литературы в помещении избы-читальни. Одна из них действовала после обычных уроков в помещении Успенской школы 2 степени, а иногда – в избах крестьян. Для оживления чтений волисполком из-

дал декрет, закон для Успенской волости – о конфискации граммофонов, находящихся в частном владении. Четыре граммофона зазвучали вскоре в избах-читальнях.

Активно боролись успенские крестьяне против религиозных обрядов, организовывали крестьянские комсомольские свадьбы.

Когда осенью 1919 года деникинцы заняли Малоархангельский уезд, то комсомольцы в тылу у белогвардейцев вели разведывательную работу. Сам Быстров ею руководил. Он организовал небольшой отряд, который в тылу деникинцев творил суд и расправу над теми, кто выдавал семьи красноармейцев (двоих доносчиков расстреляли).

В 1920 году представители от комсомольцев Успенской волости присутствовали на Малоархангельской уездной комсомольской конференции и были там одними из самых активных.

Когда в Поволжье в 1921 году был голод, то, наряду с другими мерами, Совнарком принял решение о конфискации церковных ценностей. Специальная комиссия во-

лисполкома явилась в успенскую церковь и забрала у отца Валерия все серебро, которое тут было, включая даже ризу с Евангелия. Набралось чуть меньше пуда серебра, которое было потом отослано в Малоархангельск.

Между тем, в 1921 году в самой Успенской волости хотя и не умирали массами с голоду, но отдельные семьи сильно голодали (в романе это хорошо показано), а другие ели хлеб пополам с лебедой, горький, невкусный. Хлеб этот хрустел на зубах, но его приходилось употреблять в пищу, за неимением другого.

В романе «Двадцатые годы» показана, даже если сам Овалов и не хотел этого, трагедия крестьянина – кулака, Павла Федоровича Астахова.

(Под именем Астаховых в романе выведены родственники Льва Овалова по линии отчима – Дмитрия Дмитриевича Ерохина – А.П.).

Родители Астахова сумели из беднейших крестьян выбиться в зажиточные, по-

ставили дома под железо, открыли лавку и начали покупать землю.

Сын их, Павел, хотя и не был особо грамотен, сумел и в лавке торговать с выгодой, и сада посадил четыре десятины, овес всегда выгодно продавал, даже мельницу перед войной задумал построить – и сделал это, только запустить не успел, революция случилась.

Большой дом (чистая половина из четырех комнат), громадный двор, лавка, амбары, пасека, сарай с сеном, с инвентарем, конюшня, коровник, свинарник – вот хозяйство Астахова. В основном – это дело рук его родителей и его собственных, хотя и наемные работники у него есть.

Советская власть понемногу забирала у Астахова его богатство и, когда у него отобрали мельницу, разобрав ее на составные части, увезли в Дросково, смысл жизни для Павла Федоровича кончился. Он вложил в эту мельницу всю душу, берег ее, холил – и отобрали. «Вы мне подписали смертный приговор», – сказал он новому председателю

волисполкома Данилочкину. Никто в тот момент не придавал этим словам значения.

Утром следующего дня Павла Федоровича Астахова обнаружили повесившимся в помещении его мельницы. Его хозяйство было поделено между наследниками. Астахов был первым из кулаков, кто стал жертвой раскулачивания. Позже его участь постигла и других зажиточных крестьян. Но произошло это в конце 20-х – конце 30-х годов.

(Имя Ерохиных до сих пор сохранилось в селе Успенское и д. Дуровка. Усадьба успенского старожилы В.Ф. Казакова находится в настоящее время на том месте, где когда-то стоял дом Ерохиных. А на месте хутора Ерохиных в д. Дуровка сохранились очертания сада и колодец. Место сада и сам колодец до сих пор называют Ерохинскими. – А.П.)

Кроме села Успенского, местами действия в романе «Двадцатые годы», являются то Семичастная, через которую проходили деникинские части, то Черногрязка, не поддающаяся комсомольским призывам, то Журавец, где комсомольцы помогли солдатским вдовам рас-

пахать поля, то Дуровка, где у Астаховых был хутор с хозяйством, то Кукуевка.

Хутор Кукуевка достоин отдельного упоминания, поскольку в романе на нем, в имени богачей Пенечкиных живет предволисполкома Быстров. Пенечкины же, чтобы их не раскулачили, организовали на хуторе лжекоммуну, в которой сами работали.

В реальной жизни фамилия Пенечкиных была Лисичкины, а все остальное имело место. Хутор Кукуевка стал пос. Ясная Заря, а чаще его местные до сих пор называют Коммуной.

Вот таким дом в Кукуевке был в 20-ом году: «Темноватый коридор, гостиная, как в богатых домах, портьеры, рояль, экран, пальмы в зеленой кадке – хотя все это только в одной комнате».

В этом доме, у Пенечкиных, жил Быстров – председатель волисполкома. Почему он жил здесь, у помещиков, Степан Кузьмич объяснял тем, что просторно, удобно и маскироваться помещикам труднее – они вынуждены, спасая себя, работать по настоящему

– и пахать, и сеять вместе со своими бывшими батраками.

После 21-го года, когда была объявлена новая экономическая политика, Быстров ее не понял и не принял, действовал с крестьянами старыми административными мерами, за что и был снят с должности. Погиб он трагично. После его исключения из партии за неприятие партийной линии в деле НЭПа и отхода от своих товарищей Степан Кузьмич не смог пережить своего отлучения от общественной жизни и от партии, жил у себя в деревне бездеятельно и скучно. Но однажды его враги из числа обиженных им в свое время корсунских богатеев выманили его в Рогозинскую рощу, где и повесили на одном из дубов.

Один из героев романа – Ушаков Никита окончил потом в Москве институт востоковедения, уехал на преподавательскую деятельность в Индию, где вступил в Компартию Индии, участвовал в борьбе индусов за независимость, англичане объявили его шпионом и расстреляли.

Судьба других героев, в первую очередь, комсомольцев, сложилась более благополучно. Многие успенцы уехали на учебу в города, в том числе в Москву, стали видными работниками, специалистами в различных областях.

Но самым известным из всех успенцев стал, конечно же, Лев Сергеевич Овалов, русский писатель и автор-создатель образа первого советского сыщика – майора Пронина.

Гости из Москвы (во время празднования 100-летнего юбилея Льва Овалова)

Сергей Львович Шаповалов у дверей библиотеки имени Льва Овалова

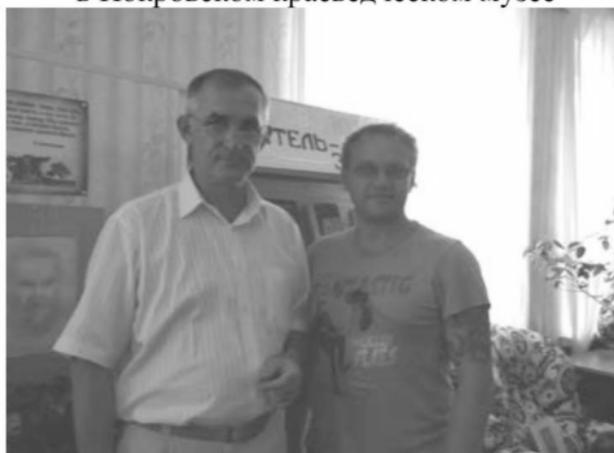
Выставка книг Овалова в Успенской библиотеке

Вид на Успенское кладбище (здесь лежат многие герои произведений Льва Овалова)

Шаповаловы и автор
в Покровском краеведческом музее

В с. Успенское – с Иваном Коновальцевым,
режиссёром фильма «Последнее дело майора Пронина»

Герои Льва Овалова в романе и в жизни

Когда в 2005 году в Орле и селе Успенском мы достаточно скромно отметили 100-летие со дня рождения автора первых советских детективов, создателя образа майора Пронина, широко известного в былые годы, Льва Сергеевича Овалова, я и не подозревал, что у юбилейных торжеств будет продолжение.

А оно, это продолжение, явилось ко мне однажды в лице пожилого седого человека невысокого роста, представившегося: «Я — сын того самого Пенечкина, который упомянут на нескольких страницах оваловского романа «Двадцатые годы». И дальше начался его рассказ — подробный, с показом документов и фотографий.

Настоящая фамилия Пенечкиных — Лисичкины. Жили они на хуторе Кукуевка, располагавшемся в двух верстах от волостного села Успенского.

Передо мной сидел как раз сын одного из них — Александр Александрович. С его помощью, а также пользуясь документами

Государственного архива Орловской области, найденными мною чуть раньше, я выяснил некоторые подробности жизни литературных прообразов оваловского романа. И подробности эти оказались не менее интересными, чем то, что происходило с героями на страницах книги.

Лисичкины с хутора Кукуевка

Итак, в списке землевладельцев Успенской волости Малоархангельского уезда за 1908 год (ГАОО, ф. 60, д. 2) обнаружил я следующую запись: «...Купцы... Адриан Ев-
172

докимович Лисичкин, владеет 138 десятинами земли при хуторе Кукуевка. Иван и Александр Адриановичи Лисичкины — 138 десятин при хуторе Кукуевка.»

По семейным преданиям Лисичкиных, основатель купеческого рода, Адриан Евдокимович, происходил из крепостных крестьян Малоархангельского уезда (в деревнях Барановка, Козинка, Александровка было несколько семейств, представлявших эту фамилию). После отмены крепостного права в 1861 году Адриан Лисичкин разбогател, купил землю недалеко от села Успенского, и вскоре на берегу ручья, впадавшего в речку Озерну, появился большой (по местным понятиям) дом, в котором и стала жить семья Лисичкиных.

У Адриана Евдокимовича и его жены Дарьи Ивановны было два сына (Иван, Александр) и три дочери (Ольга, Мария, Надежда). Дочери, выйдя замуж, родительский дом покинули и навещали его потом лишь изредка, в связи с важными семейными событиями. А вот сыновья Иван и Александр,

на двоих владевшие таким же количеством земли, как и отец, вели хозяйство с ним сообща.

Когда в 1917 или 1918 году Адриан Евдокимович Лисичкин скончался, то его участок (более чем в 100 десятин) достался по наследству сыновьям. К сожалению, для них времена наступили другие: в Успенское пришла Советская власть, и весной 1918 года местный волостной исполнительный комитет начал раздел земель окрестных помещиков. Лисичкины не были помещиками, но кулаками их считали все соседние крестьяне, поскольку в хозяйстве у них работали батраки. Братья не стали дожидаться экспроприации своих земель, подумали — и организовали на хуторе Кукуевка сельскохозяйственную коммуну, в состав которой вошли они сами с семьями и все их работники, изъявившие желание.

Передо мной лежит документ — копия «Удостоверения», выданного тов. Лисичкину Александру Адриановичу Успенско-Луначарским волостным исполнительным

комитетом 27 мая 1920 года. В нём сказано, что *«председатель 3-й сельскохозяйственной коммун Успенско-Луначарской волости А. А. Лисичкин с 1917 года в контрреволюционных выступлениях замечен не был и, состоя в должности председателя С. Х. К., волисполком должен отметить, что тов. Лисичкин стоит на высоте своего положения в Р.С.Ф.С.Р., что удостоверяется...»*

По воспоминаниям старожила села Успенского М.М. Климова, коммуна эта успешно существовала почти 10 лет. Сами братья работали наравне со своими бывшими батраками (которые, кстати, жили вместе с ними в их доме). Продукты труда делились поровну, даже питались коммунары летом за одним общим столом.

Когда в 1927 году отмечалось 10-летие Советской власти, и созданная в Покровской волости комиссия Октябрьских торжеств отмечала заслуги наиболее отличившихся, Александр Адрианович Лисичкин получил от этой комиссии «Грамоту признательно-

сти» за работу по развитию коневодства в 3-й сельскохозяйственной коммуне.

Однако ни упомянутое «Удостоверение», ни эта грамота не спасли А. Лисичкина от начавшихся вскоре репрессий, направленных против «бывших и замаскировавшихся» кулаков. В 1928 году Александра Адриановича арестовали и после суда в селе Покровском сослали в Северный край. Пять лет ссылки провёл Лисичкин на реке Мезень, в Архангельской области, где довелось ему работать со ссыльными же староверами.

Вернувшись в Кукуевку в 1933 году, Александр Адрианович не стал больше испытывать судьбу: получив паспорт, он выехал за пределы нашего края.

Самым ценным имуществом, которое он захватил с собой, были семейные иконы. Вместе с ними поселился Лисичкин на некоторое время у родственников в Ленинграде, но обременять кого-либо он всегда не любил и потому спустя год обосновался под Москвой, в посёлке Ленино (так переименовали Царицыно при Советской власти). Переез-

жая сюда, забрал с собой орловчанин две самые близкие его сердцу иконы — с Богородицей, а остальные оставил у брата и племянников.

Работал Лисичкин вначале по пчеловодческой части (это дело ему было хорошо знакомо, потому что в коммуне на хуторе Кукуевка тоже пчёл разводили и мёдом при-торговывали), а потом заведовал складами пиломатериалов на станции Царицыно. В середине 30-х годов Александр Андрианович вторично женился, а в 1937 году у него родился сын, также названный Александром (это и был мой знакомый — А.П.).

Уроженец хутора Кукуевка Орловской губернии Александр Андрианович Лисичкин скончался в 1947 году, жена вскоре умерла тоже. Десятилетнего сироту Сашу усыновили переехавшие жить в Царицыно близкие родственники его матери. Вот тогда-то он и стал Александром Ивановичем Валицким. Но, поменяв фамилию и даже отчество, Александр Иванович не забыл о своём прошлом.

От отца ему достались две старинные, в серебряных окладах, на деревянных досках, богородичные иконы. В старом доме Лисичкиных они всегда были на самом видном, на почётном месте. Заняли такое же место иконы и в новой квартире Валицких.

Когда однажды у Александра Ивановича и Любови Ивановны Валицких серьёзно заболела дочь, то, посетив несколько раз церковь, Александр Иванович дал обет, что в случае выздоровления Ольги он пожертвует одну из икон в свой близлежащий храм в честь Иконы Божией Матери «Живоносный источник».

Дочь выздоровела, и Валицкий принёс икону настоятелю храма — протоиерею Георгию. Тот с благодарностью дар принял. И вот уже два десятка лет большая богородичная икона из кукуевского дома Лисичкиных украшает московский храм, основанный Дмитрием Кантемиром.

Вторая же икона из Кукуевки до сих пор хранится в московской квартире Валицких. Кто знает, может быть, благодаря по-

кровительству Богородицы долгая и опасная милицейская служба подполковника Валицкого закончилась вполне благополучно.

Летом 2007 года ветеран МВД вместе с родственниками посещал родину отца. От хутора Кукуевка не осталось ничего, кроме живописной местности. Ею-то и полюбовался Александр Иванович Валицкий. Я помог ему восстановить картины прошлого, познакомил с теми людьми, чьи отцы и деды знавали когда-то Лисичкиных и хутор Кукуевку, описанный в известном романе Льва Овалова «Двадцатые годы».

Уезжая, благодарный москвич (и, конечно же, с этих пор наш земляк) пригласил меня в гости. Через год он с большим радушием принимал меня в своей скромной двухкомнатной квартире.

А ещё через два года Александр Иванович Валицкий скоропостижно ушёл из жизни. Но миссию побывать на родине своего отца и предков он выполнить успел.

Что касается других детей Адриана Евдокимовича Лисичкина, то они выехали

из Кукуевки в середине 20-х годов, не дожидаясь арестов, судов и высылки. Дети старшего сына, Ивана, который умер во время ленинградской блокады, сумели достичь высоких должностей. Работа одного из сыновей была связана с авиацией, и, трудясь на Новосибирском авиазаводе, он дослужился до звания инженер-полковника. Другой сын, также получивший инженерное образование, занимал ответственные посты в Гипроугле. Он изобрёл и внедрил «ШНЛ» — шахтный насос Лисичкина, широко применявшийся на шахтах страны в послевоенное время.

Одна из младших дочерей А.Е. Лисичкина, Ольга (в романе «Двадцатые годы» она выведена под именем Киры Филипповны Андриевской, учительницы пения в Успенской школе) и её муж — Сергей Михайлович (в романе он — адвокат Андриевский) жили в Ленинграде. Детей у них не было. Сергей Андреевич умер в блокаду. Ольга Адриановна, продолжавшая служить искусству (она работала в Доме культуры одного из промышленных предприятий),

умерла в середине 50-х годов прошлого века.

Потомки Лисичкиных живут в настоящее время в Москве, Санкт-Петербурге, в Крыму и в городе Боровичи (Белоруссия). Вот так в жизни сложилась судьба литературных прообразов известного в своё время на Орловщине романа.

Что касается дома Лисичкиных, то от него давным-давно ничего не осталось (после ликвидации коммуны его разобрали окрестные жители для своих хозяйственных нужд). Хутор Кукуевка ещё в начале 20-х годов был переименован в посёлок Светлая Заря, но все в округе называли его только Коммуной. Под этим неофициальным именем посёлок просуществовал 60 лет. Последние жители Коммуны покинули её в середине 80-х годов 20-го века. От всей усадьбы Лисичкиных, да и от посёлка, остались лишь красивый пруд и огромный серебристый тополь, который когда-то был посажен основателем Кукуевки Адрианом Евдокимовичем Лисичкиным.

Повесть о сыне генералиссимуса

В самом начале 1935 года в Свердловск, на Уральский завод тяжёлого машиностроения, приехал в краткосрочную командировку молодой, но уже достаточно известный писатель Лев Овалов. Приехал, чтобы написать очерк.

Однако несколько дней, проведённых Оваловым в Свердловске, привели к тому, что он, изумлённый и вдохновлённый увиденным, решил остаться на несколько больший срок: у писателя возник замысел написания повести.

Целый год прожил здесь Лев Сергеевич, день за днём изучая жизнь строителей одного из крупнейших объектов второй пятилетки. Большинство этих ещё совсем недавно малограмотных молодых парней и девчат из глухих деревень стали героями новой повести, вышедшей из печати в 1937 году под названием «Зина Дёмина».

Автор назвал своё произведение по имени главной героини, такой же молодой, как другие, может быть, только чуть более

талантливой и целеустремлённой. Овалов в лице Зины Дёминой и её товарищей показал молодую, наивную, но счастливую молодёжь периода первых пятилеток, когда создавалась экономическая база быстро крепнущего Советского Союза.

Зина Дёмина нашла на Уралмаше не только общественное, но и личное счастье. Она полюбила, а потом вышла замуж за китайца Чжоу, одного из тех иностранцев, кто поверил в идеалы социализма, приехал в нашу страну и активно работал на благо своей новой родины.

Правда, личное счастье героев повести оказалось недолгим. Революционера Чжоу его китайские товарищи пригласили вернуться в Китай – бороться за освобождение от контрреволюционеров, милитаристов и иностранных захватчиков.

Долг и семья оказались несовместимы. Чжоу возвратился в Китай, а его молодая жена не захотела покидать Советский Союз. Чувство патриотизма, в описании Овалова,

оказалось сильнее, – оно и победило. Пути Зины Дёминой и Чжоу навсегда разошлись.

Повесть «Зина Дёмина», увидевшая свет в трагическом 1937-ом году, доброжелательна была принята читателями и критикой, переиздавалась ещё раз (под другим названием – «Утренняя смена» – А.П.).

Однако в те годы никто не знал, с кого списывал Лев Овалов образ китайского коммуниста Чжоу. А между тем, эта история достойна отдельного изучения. Дело в том, что прототипом Чжоу послужил Цзян Цзинго – сын китайского правителя 20-40-х годов XX века Чан Кайши.

Отец в 1925 году отправил сына на учёбу в СССР, а в 1927 году совершил бонапартистский переворот, фактически став диктатором крупнейшего азиатского государства.

Цзян Цзинго в том же 1927 году опубликовал в газете «Правда» письмо, в котором отрёкся от отца: «Я знаю только революцию и готов умереть за неё. Я отвечаю тебе

теперь: я знаю только революцию и больше не знаю тебя как отца...».

12 лет прожил Цзян Цзинго в СССР. Он закончил Коммунистический университет трудящихся Востока, учился в военной школе и в Академии РККА имени Толмачёва в Ленинграде, был секретарём комсомольской ячейки, вступил в члены ВКП(б), даже поменял свою фамилию на чисто русскую, став Николаем Владимировичем Елизаровым (за годы жизни в СССР, в отличие от других китайцев, русским языком он овладел почти в совершенстве – А.П.).

Закончив учёбу, Цзян Цзинго учился жизни. Он был и рабочим на заводе, и председателем подмосковного колхоза, а с началом строительства Уралмаша он – здесь.

Слесарь-коммунист Н.В. Елизаров стал организатором первой коммунистической щтурмовой бригады на заводе. Его имя занесли в Красную книгу ударников, выдвинули на пост заместителя начальника по административно-хозяйственной части механического цеха № 1. Попутно он выполнял

обязанности редактора газеты «За тяжёлое машиностроение» (с февраля 1934 по февраль 1937 года – А.П.).

Цзян Цзинго
(Николай Елизаров, 1948 г.)

газеты Цзян Цзинго (Николаем Елизаровым).

Весь 1935 год, что провёл Лев Овалов в Свердловске, он прожил бок о бок с Цзян Цзинго в одной коммунальной квартире, узнал практически всё о прошлой жизни своего нового знакомого и его жизни в СССР.

Когда приехавший на Урал-маш Овалов начал сбор материалов о строителях завода, его сразу же познакомили с тем, кто по долгу службы об этих рабочих много знал и писал о них – с редактором заводской

Никаких сомнений не возникло у писателя, что рядом с ним живёт настоящий коммунист и патриот своей новой родины. На глазах Льва Сергеевича зарождалась и любовь молодой заводчанки Фаины (в повести – Зины) и редактора газеты Николая Елизарова. Любовь, как и положено, завершилась молодёжной свадьбой (в том же, 1935 году, и Овалов был в числе приглашённых – А.П.).

В 1936 году, уже будучи в Москве и заканчивая подготовку повести к печати, Лев Сергеевич узнал, что над его главным героем сгущаются тучи, а в марте 1937 года Цзян Цзинго, попавший в ряды «врагов народа», был взят под стражу органами НКВД.

Казалось, его судьба и судьба его молодой жены предрешены. Однако именно в это время о собственном сыне, спустя 12 лет, вспомнил генералиссимус Чан Кайши.

Ссориться с правителем Китая советские власти не захотели. Цзян Цинго освободили из-под стражи и доставили в китай-

ское посольство, где ему сообщили о просьбе отца – вернуться на родину.

«У меня трудности, – ответил Цзян, – я женился на русской девушке и женился по любви».

Генералиссимус дал согласие на приезд сына в Китай вместе с русской женой, и через несколько дней молодая семья покинула СССР. Об этом событии узнал писатель Овалов, именно тогда в его повести окончательно завершились сюжетные линии. Но его Чжоу уехал делать революцию один, Зина осталась в СССР.

По всей видимости, незаконный арест органами НКВД Цзян Цзинго заложил в нём основы его будущей нелюбви к коммунизму. Возвратившись в Китай и сблизившись с отцом, Цзян Цзинго очень быстро стал ярым антисоветчиком и антикоммунистом. За короткое время он сделал головокружительную карьеру, занимая посты министра обороны и премьер-министра.

Вместе с генералиссимусом Чан Кайши Цзян Цзинго оказался в 1949 году на

Тайване, а после смерти отца в 1975 году стал президентом этого непризнанного островного государства. Умер он после тяжёлой болезни в январе 1988 года.

А теперь о его жене. В «Российской газете» 16 декабря 2004

Фаина Вахрева

года была опубликована небольшая заметка под названием «То была Фаина». Вот цитата из неё: *«Вчера в главном Тайбэйском госпитале ветеранов скончалась Цзян Фанлян – в девичестве Фаина Вахрева – вдова бывшего президента Тайваня Цзян Цзинго, невестка*

генералиссимуса Чан Кайши. Она родилась в 1916 году в Белоруссии, в 1935 году вышла замуж за сына Чан Кайши...

Фаина Цзян была очень скромной «первой леди» и всегда держалась в тени. Последние годы жизни она серьёзно болела.

Три её сына умерли. Осталась дочь, которая живёт с семьёй в США. Есть пасынок Джон Чанг, он был в своё время министром иностранных дел Тайваня...

Фаина
(Цзян Фанлянь)

Лидер партии Гоминьдан Лянь Чань сказал, что «Цзян Фанлянь всю свою жизнь шла дорогой Цзян Цзинго и была ему верной опорой».

Так в реальной жизни закончилась история, которую сочинил Лев Овалов. Сам писатель умер в апреле 1997 года, успев узнать о смерти Цзян Цзинго, главного героя своей повести и соседа по коммунальной квартире, а история Зиной Дёминой (Фаины Вахревой, Цзян Фанлянь) завершилась ещё спустя семь лет.

В 2015 году исполнилось ровно 80 лет событиям, происходившим на заводе Урал-

маш, и 110 лет – Льву Сергеевичу Овалову. И как же интересно жизнь дописывает то, что придумывает автор...

Лев Овалов – поэт

Очень немногим читателям, настоящим знатокам творчества Льва Овалова, известно, что в большую литературу он вошёл как детский писатель, опубликовавший в 1927 году симпатичную поэтическую книгу под названием «Пятеро на одних коньках».

Больше стихов в печати у Льва Сергеевича не появлялось. Но, оказывается, он не переставал их писать даже в последний год своей долгой жизни. Об этом я узнал от вдовы писателя, Валентины Александровны, когда посетил её в 2008 году. Именно тогда я получил в подарок от неё некоторые из рукописей Овалова. Было среди них и несколько машинописных листков со стихотворениями 60-ых и 90-ых годов XX века.

С некоторыми из этих произведений я предлагаю ознакомиться читателям «Сельской правды». Обращаю внимание читателей на два обстоятельства. Во многих стихах

речь идёт о грустном – о завершении жизненного пути, причём, говорится о крематории («Вчера, сожжённый в крематории» и «Я, обращённый в лёгкий пепел»...). Согласно завещанию, умершего 30 апреля 1997 года писателя Овалова кремировали, а прах отца его младший сын, Сергей, развеял над водами канала имени Москвы. Так что Лев Сергеевич заранее всё знал.

А одно из стихотворений (оно без названия) – настоящая апология детективного жанра. О чём остальные стихи – читатель узнает, прочтя их. Мне кажется, в них есть главное – чувства, без которых не бывает настоящей поэзии.

**Стихи Льва Овалова,
написанные им в 60-е и 90-е годы XX века**

Банальные стихи

Притупилось горькой жизни жало,
Горечь человеку не нужна...
Мать моя меня всегда прощала,
Всё прощала верная жена.

Называю самых-самых милых,
Не страшны им ни мороз, ни зной...
Розы на заброшенных могилах
Расцветают каждую весной.

30 октября 1966 г.

***

Вот и прожиты долгие годы,
Жизнь прошла без ненужных затей...
Я легко ухожу из природы,
Окружённый любовью детей.

Верю жизни извечному чуду,
Смерть за мною идёт по пятам...
Я грустить о прошедшем не буду,
Не гадая, что ждёт меня Там.

3 октября 1966 г.

Пейзаж

Ткут свой ковёр безжалостные парки,
Над рукодельем головы склонив...
Играет ветер в опустевшем парке,
Качая стебли придорожных нив.

Играет ветер, и смеются дети,
Жизнь принимая с возрастом сполна...
Метёт листву, заманивая в сети,
Холодной осени октябрьская волна.

9 ноября 1966 г.

Незаконченные стихи

Не удивляйся чрезвычайно,
Что в мире много суеты,
Какая-то святая тайна
Хранит заветные черты.

Мы многое не замечаем,
Но есть мгновение одно.
Оно, как встреча перед раем,
Навеки в нас погребено.

Оно одно...

.....
Отбросы мчатся по каналу
К закономерному концу...
Искать своей судьбы начало
Обычным людям не к лицу.

Пусть навсегда пребудет тайной
То, что судьба послала в дар
Тому, кто увидел случайно
Огня небесного пожар.

20-21 ноября 1966 г.

.....
Я ни во что теперь не верю,
Сгорая в адовом котле,
Ни огнедышащему зверю,
Ни даже самой мелкой тле.

И погибая в преисподней,
Извечным сумраком дыша,
Я знаю, что в руке Господней
Моя погибшая душа.

Растворена она за гробом,
Останками в земле соря,
И всё же вижу –
за сугробом
Мерцает новая заря.

26 декабря 1996 г.

.....
Мы уходим в пространство,
В пустоту, что считается Божьей...
Ветер сказочных странствий
Обжигает упругую кожу,
Обжигает загаром.
Обжигает и руки, и ноги,
Одаряет нас даром,
Какой выпадает немногим.

Мы несёмся навстречу
С нашей судьбой непреложной,
О которой обычною речью
Ничего рассказать невозможно.

8 января 1997 года

.....

Вчера сожжённый в крематории,
Покорный Богу и судьбе,
Какие дивные истории
Я мог поведать бы тебе!

Но Бог хранит святые тайны,
Непостижимые уму...
Случайно или не случайно
Я не откроюсь никому.

26 января 1997 г.

.....

Что в жизни может быть нелепей,
Нелепее её затей?
Я, обращённый в лёгкий пепел,
Живу в сознании людей?

Какая сладостная тайна
Сокрыта в нашем существе?
Я жизнь продолжу не случайно
В своей оставшейся пастве!

Меня как будто нет на свете,
Но живы наши дневники...
Жизнь продолжают наши дети,
Умны, свободны и легки.

29 января 1997 г.

.....

Меня послушай, ангел милый,-
Совет хорош и не хорош,-
Не посещай моей могилы,
Мои останки не тревожь.

Живи, мой друг, пока живётся...
Несутся в небе облака...
Попей водицы из колодца,
А что ещё сказать... Пока!

13 февраля 1997 г.

Что ты всегда находишь в ней,
В пляде легковесных книжек?
Чем легковесней, тем сильнее!
Я этот лозунг в сердце выжег.

Я сам поднялся в высоту,
Которая мне недоступна,
Я сам себя за книги чту,
Хоть это, может быть, преступно.

Истратив четверти чернил,
Познав тщету расхожих истин,
Я мимоходом подчинил
Красавиц, как Агата Кристи.

Хочу – кричу, хочу – молчу,
Противниц у меня всё меньше,
Подвластны моему мечу
Сто тысяч ошалелых женщин.

Не нужны женщинам чины
И деньги, в силе – только чтиво!
Все женщины подчинены
Железной воле детектива.

И я ни капли не солгу,
Своими вдохновлённый снами -
Я знаю: женщины в долгу
У книжек, сочинённых нами.

27 февраля 1997 г.

(Все эти стихотворения напечатаны на пишущей машинке, с отдельными исправлениями, сделанными от руки – самим Львом Сергеевичем, некоторые – в нескольких машинописных копиях. И лишь одно стихотворение из восьми строчек написано от руки. Оно – без даты – А.П.)

.....

Улетает душа в поднебесье.
Серафимы на крыльях несут,
Оставляя все замыслы бесьи
На чужой, человеческий суд.

Человека ничто не тревожит,
Если он улетает туда,
Где кормилась извечная, Божья,
Неизбывной печали звезда.

Возвращение майора Пронина

«Перед войной в мире было три великих сыщика – отец Браун, Шерлок Холмс и майор Пронин».

Конечно, такого рода утверждение, сделанное Львом Оваловым незадолго до своей смерти (он написал это, готовя предисловие к новому, так и не появившемуся при жизни писателя, изданию о приключениях майора Пронина) чересчур категорично, поскольку каждый поклонник детективной литературы вполне может назвать трёх своих любимых героев. Правда, лично я к этому высказыванию отношусь очень одобрительно, поскольку и сам, будучи большим почитателем детективов, по истечении тридцати с лишним лет так и не смог никем для себя заменить этих персонажей Честертона, Конан Дойла и Овалова.

Но иностранцев, хоть и великих, я оставлю пока в стороне, а речь поведу исключительно о сыщике Пронине и его отце-создателе, известном советском писателе

Льве Сергеевиче Овалове. На всякий случай, напомним читателям (главным образом, молодым), не имевшим удовольствия быть знакомыми с творчеством Льва Овалова, что с конца 30-ых годов XX века и в течение более полувека его умный, проницательный сыщик быстро перешёл со страниц оваловских рассказов, повестей и романов в устное народное творчество, став героем многих анекдотов, в которых продолжал – тонко, иронично, мастерски – доказывать своё превосходство над сыщиками из других стран.

А теперь перехожу к сути того, ради чего, собственно, и написана мною эта статья.

Итак, я предлагаю создать в городе Орле ещё один литературный музей – Музей майора Пронина (или, как вариант, – Музей сыщика Пронина). И прежде, чем ты, читатель, отбросишь с возмущением эту статью в сторону: «Что ещё за галиматья? Музей какого-то сыщика, да ещё и в Орле, где этот сыщик отродясь не бывал?»

Не торопись, читатель, и познакомься с моими аргументами в подкрепление выказанного предложения.

По поводу того, что литературный персонаж достоин собственного музея, я ни минуты не сомневаюсь, поскольку и в мире, и в нашей стране этому есть прецеденты, хотя их не так много, как хотелось бы. Самый известный пример – музей Шерлока Холмса на Бейкер-стрит, в Лондоне, о котором, наверняка, слышали очень многие из нас. И гораздо меньшее число россиян знает о музее Станционного смотрителя (помнишь, читатель, одну из повестей Белкина у А.С. Пушкина?)

Всенародно известная личность (а таковой, без всякого сомнения, является майор Пронин) достойна собственного музея, ведь так, читатель? Если у англичан есть музей Шерлока Холмса – почему у россиян не может быть музея сыщика Пронина?

А теперь – о главном: почему именно у нас, в Орле?

Ну, *во-первых*, потому, что Иван Николаевич Пронин – персонаж хоть и литературный, но глубоко народный, и музей его имени (теоретически) может возникнуть в любом населённом пункте России (вспомним, к примеру, Владимира Высоцкого, музеи которого появились там, где он сам и не бывал-то никогда – просто в этом месте любовь к народному певцу выразилась сильнее у кого-то из местных его почитателей).

Во-вторых, могли бы, конечно, стать инициаторами создания этого музея поклонники майора Пронина в Москве или Санкт-Петербурге, но уж если там не сподобились до сих пор, то Орёл, как-никак (*во многих изданиях писано* – А.П.), – третья литературная столица России, и ещё один музей, да ещё *такой*, нам не только не помешает, но добавит Орлу и всему нашему краю популярности.

В-третьих, «отец-создатель» бессмертного образа сыщика Пронина, писатель Овалов, имеет непосредственное к Орловщине. С 1918 по 1923 год он, вместе с

мамой, Софьей Николаевной, и братом Дмитрием проживал в селе Успенское Малоархангельского уезда (ныне – Покровского района), куда из Москвы приехала семья Шаповаловых, спасаясь от голода. Здесь Лев Шаповалов участвовал в событиях гражданской войны и, может быть, сам приобрёл первые практические навыки сыщика, когда, осенью 1919 года, пробираясь по тылам белых, доставил в штаб 13-й Красной Армии ценные сведения о противнике.

Здесь, в Успенском, в четырнадцать лет, Лев Шаповалов создаёт первую на Орловщине сельскую комсомольскую организацию, а в пятнадцать – вступает в члены Российской коммунистической партии (большевиков), становясь самым молодым коммунистом в губернии. В Успенском, наконец, он приобретает журналистский опыт, публикуя первые заметки о сельской жизни в областной газете. Свои юношеские, очень острые впечатления о жизни на Орловщине Лев Сергеевич Овалов, уже став известным

писателем, отразил в большом романе «Двадцатые годы».

И пусть появился на свет он, по уточнённым совсем недавно сведениям, на Украине, в Полтаве, но, всё равно, и по духу, и по букве закона, Лев Сергеевич Овалов – наш земляк, ведь до конца жизни главным официальным его документом был паспорт с записью: «...*Место рождения – село Успенское Покровского района Орловской области*».

Кроме того, большая часть архива писателя, по его завещанию, была передана не куда-либо, а в фонды Орловского объединённого государственного литературного музея И.С.Тургенева, где эти документы не только бережно хранятся, но и выставляются, как это было в дни 100-летнего юбилея Овалова, в августе-сентябре 2005 года. По всем данным, получается, что наша Орловщина взрастила, выпестовала того самого писателя, который оставил потомкам достаточно солидное литературное наследие, но в читательской памяти он остался, прежде

всего, автором «Рассказов майора Пронина», «Голубого ангела», «Медной пуговицы», «Секретного оружия» и «Букета алых роз», в которых умно, изобретательно и интеллигентно действует сыщик Пронин.

В-четвёртых, да, ни в одном из перечисленных произведений майор (а потом – уже и генерал-майор) Пронин не посещал наш Орёл. Он, будучи участником гражданской войны, после ранения под Харьковом лечился в Москве, а потом был направлен в Петербург, где и начинается действие первого рассказа с его участием – «Синие мечи». (Кстати, поселился там начинающий контрразведчик Пронин на Фонтанке, в особняке барыни Борецкой, который большевики национализировали и собирались через некоторое время создать в нём музей фарфора. Такая вот связь прослеживается: от жизни сыщика в будущем музее – к Музею знаменитого сыщика – А.П.)

Вообще, конкретных мест, в которых действует майор Пронин, Оваловым в его произведениях названо немного: Петербург,

Москва, Крутогорск (вымышленный уральский городок), Рига, несколько сельских населённых пунктов. Но вот что интересно для нас. В рассказе «Куры Дуси Царёвой» сыщик расследует запутанное дело в птицесовхозе, который находится *в одной из областей Центральной России*. Мы, читатели, вполне можем предположить, что *имеется в виду как раз Орловская*, в которой прожил писатель несколько лет в годы юности (да и птицесовхозов у нас всегда было достаточно, а птицефабрики – их преемники – успешно действуют до сих пор – А.П.). Сам же Лев Сергеевич Овалов, кстати, в Орле бывал неоднократно.

Всеми этими аргументами, хотя бы в некоторой степени, я, надеюсь, убедил тебя, читатель, что Орёл вполне может претендовать на роль города майора Пронина.

А теперь – о том, *каким* будет музей его имени.

Лично мне он видится небольшим, всего в две экспозиционных комнаты, одна из которых будет представлять рабочий ка-

бинет сыщика Пронина, а в другой разместятся документы и разнообразные экспонаты, отражающие различные периоды жизни контрразведчика и разведчика, а также результаты его плодотворной деятельности.

Лев Овалов значительно облегчил нам задачу, оставив описание рабочего кабинета майора Пронина: *«...стол, как обычно, был пуст, на нём не было ничего, кроме маленького гипсового бюста Пушкина (подчеркну, не Сталина, не Дзержинского, а Пушкина – А.П.), стену сзади письменного стола закрывала карта страны, возле двери висела потемневшая от времени гитара, подарок Ольги Васильевой, цыганской певицы, спасённой некогда Прониным, у окна стояла тахта, на которую спускался дорогой текинский ковёр, украшенный старинными саблями и пистолетами, среди них терялся невзрачный короткий кривой кинжал – единственное напоминание о деле, едва не стоившем жизни самому Пронину.*

...вокруг него – и на тахте, и на подоконнике, и на придвинутом стуле – валялись

десятки книжеск и брошюр...». К этому описанию и добавлять-то почти ничего не нужно (кроме разве что спрятанного где-то в укромном месте пистолета – как сыщику без оружия – да шкафа с одеждой – А.П.), и первая музейная комната готова!

Что касается второй, то здесь придётся покопаться в поиске необходимых документов и экспонатов, тщательно прочитывая и пролистывая все произведения пронинского цикла. Когда же всё это соберётся вместе, то, смею вам сказать, прелюбопытнейшая получится экспозиция!

Вот, к примеру, печка-«буржуйка», собственноручно изготовленная Прониным ещё в первом рассказе «Синие мечи», вот молочные бидоны с двойным дном и кость-футляр для тайного провоза или проноса документов, а это – конская дуга с колокольчиком, при поворачивании которого из одного конца дуги начинал вытекать чистый контрабандный спирт. Не буду продолжать, поскольку из каждого рассказа, а тем более повести или романа о сыщике мы сможем

извлечь для посетителей музея интересные и – очень часто – необычные экспонаты и подробности увлекательной биографии работника органов государственной безопасности.

Короче, у меня нет никаких сомнений: экскурсантам будет, на что посмотреть и что услышать!

Было бы замечательно, конечно, если бы в дополнение к двум нашлась и третья музейная комната – для экспозиции об «отце-создателе» майора Пронина, Льве Сергеевиче Овалове (тем более, документов и фотографий имеется достаточно – как в фондах музея Тургенева, так и у автора данных строк – А.П.). Есть и некоторые другие мысли по поводу будущего музея, но о них – если уже начнётся реализация задуманного.

И, на – конец, на – последок! Где конкретно в Орле и кто именно сможет воплотить музейные мечты в жизнь, ведь создание любого музея – процесс долгий, мучительный и могущий быть исполнен почти всегда только энтузиастами?

Мне хочется думать, что в данном случае, если за дело возьмутся коллеги сыщика Пронина – из областных управлений ФСБ и МВД, то у прославленного контрразведчика и разведчика Ивана Пронина есть шансы быть увековеченным орловским музеем Его имени! Пусть – для начала – это будут две маленьких комнаты где-то в недрах служебных помещений ФСБ или МВД (воспитательную работу на положительных примерах ещё никто ведь не отменял, так, читатель?).

Р.С. Писатель Лев Овалов долгое время довольно скептически оценивал свои рассказы, повести и романы с полюбившимся народу героем, но за два месяца до смерти написал стихотворение (оно без названия, и я обнаружил его среди других стихотворений, переданных мне вдовой Овалова, Валентиной Александровной – А.П.), которое можно назвать «Ода детективу» и в самом начале которого писатель обращается к самому себе, спрашивая:

*Что ты всегда находишь в ней,
В пляде легковесных книжек?*

И сразу же отвечает:

***Чем легковесней, тем сильней!
Я этот лозунг в сердце выжг.***

*Я поднялся на высоту,
Которая мне недоступна,
Я сам себя за книги чту,
Хоть это, может быть, преступно.*

Эти восемь строчек убедительно показывают, что в последние годы жизни писателя его отношение к детективному жанру резко изменилось. Майор Пронин для самого Овалова стал, наконец-то, тем героем, каким он уже (свыше 50 лет!) был для его читателей.

И чтобы он – для нас – оставался таковым всегда – нужен музей сыщика Пронина.

В Орле!

**«Помни обо мне»
(вместо заключения)**

Передо мной на столе лежит небольшая книга с жёлтой обложкой, в центре которой изображён вечерний, в огнях, город. На переднем плане стоят, держась за руки, двое – Он и Она. В верхней части обложки, под именем автора, – название опубликованной в 1976 году издательством «Детская литература» повести – «Помни обо мне».

Я медленно, в который уже раз, открываю книгу, На форзаце её – слева направо, во всю ширину, надпись зелёной шариковой ручкой – «Александр Михайлович Полынкину – на добрую память. Л. Овалов. 13 мая 1983 года. Москва».

Может быть, это получилось случайно, а может, Лев Сергеевич специально для подарка земляку отобрал книгу с этим названием, но – так или иначе – вот уже более тридцати лет я помню его, писателя земли Орловской, помню, хотя (и это очень странно – А.П.) имя Льва Овалова мистическим образом растворилось среди имён других орловских писателей, растворилось до неви-

димого состояния, как соль, в мутном кипятке литературы последних лет.

Имени Овалова нет в обширном «Биографическом словаре «Русские писатели XX века», выпущенном в 2000 году в Москве научным издательством Большой российской энциклопедии. Отсутствует фамилия Овалова и в 900-страничной хрестоматии «Писатели Орловского края, XX век», увидевшей свет в 2001 году по решению по решению издательского совета Орловского государственного университета.

Не упомянуто ни одно из произведений Льва Сергеевича, ни один его персонаж в двухтомной «Энциклопедии литературных героев русской литературы XX века» (издательство «Олимп», Москва, 1998).

Можно, правда, вспомнить, что в пятом томе девятитомной «Краткой литературной энциклопедии», выпускавшейся в 60–70-е годы XX века ещё в Советском Союзе (т. 5 издан был в 1968 году – А.П.), русскому советскому писателю Льву Сергеевичу Овалову посвящено 16 строчек, а ещё в трёх – названы некоторые из его произведений.

Была статья об Овалове и в биобиблиографическом словаре «Писатели Орловского края», выпущенном в Орле в 1981 году. Впрочем, сведения о писателе даны там таким суконным, казённым языком, что у нормального читателя сразу же пропадает всякое желание знакомиться с повестями и романами Овалова, которые «рассказывают о становлении характера советского человека, о борьбе за новые производственные и семейные отношения...».

После же 1988 года совсем не печатались его книги, не публиковались статьи о нём, а когда писатель умер в Москве, то мало кто из литературного чиновничества заметил это (в орловских газетах, к примеру, не появилось даже некролога). И только в 2000 году в «Просторах России» Евграф Наумов, ветеран орловского землячества в столице, в статье «Кто Вы, майор Пронин?», назвал точную дату смерти Льва Сергеевича для орловчан – 30 апреля 1997 года.

Чем можно объяснить такое странное невнимание и забытьё по отношению к писателю, имя которого десятилетия было из-

вестно любому советскому любителю детективного жанра, с творчеством которого познакомились читатели Греции, Индонезии, Китая, Канады, США, а телезрители Венгрии и Чехословакии смотрели многосерийные телефильмы, снятые по его произведениям? Может быть, неуважением рафинированных интеллигентов к низкому литературному жанру «детектива»?

И почему имя автора романа «Двадцатые годы», события которого происходят именно на Орловщине, выскользнуло вдруг из памяти уважаемых профессоров Орловского государственного университета, хотя обширный архив Овалова большей частью находится в фондах Литературного музея И.С.Тургенева с середины 80-х годов XX века?

Боюсь ошибиться, но, думаю, дело здесь в совершенно обычной (и отвратительной в своей обыденности) российской практике, когда со сменой исторических ориентиров в обществе меняются (в угоду властям или ещё кому-либо) на новых бывшие кумиры.

Ничего не имею против имён «возвращённой» поэзии XX века – В. Гальского,

С. Бехтеева, И. Калининкова, Ф. Софронова, А. Софроновой. Однако настоящая литература тем и хороша, что она – вечна, она всегда – воспитательница человечности в человеке, независимо от того, в каком веке и обществе он живёт.

А постарались забыть об Овалове потому, наверное, что посчитали его певцом Советской власти, советского строя, социализма, о которых после 1991 года многие историки и писатели стали говорить если и не с резким осуждением, то уж точно не находили в них чего-то хорошего, необходимого в качестве примера: вот Иван Бунин, Борис Зайцев – это писатели-классики, куда до них какому-то Овалову!

Да, Бунин и Зайцев не участвовали в том, что многие сейчас называют исторической ошибкой – сломе старого общества и построении новой, социалистической России. Это был их осознанный выбор. А у Льва Овалова был свой путь в жизни и литературе. Я, уважаемый читатель, рассказал о нём в этой книге.

Автор со старшим сыном писателя Овалова –
доктором медицинских наук
Скальдом Львовичем Шаповаловым

Лев Сергеевич умер на 92-ом году жизни, оставив после себя более трёх десятков опубликованных повестей и романов (в том числе автобиографический «Двадцатые годы»), шестерых детей – и майора Пронина. Уверен, этот образ замечательного сыщика оставлен на века, в нём осталась частичка души самого Овалова.

«Помни обо мне»?

Обязательно, Лев Сергеевич!

Основные опубликованные произведения Л.С. Овалова

Романы:

«Ловцы сомнений» (1931), «Утро начинается в Москве» (в двух книгах, 1934, 1936), «Медная пуговица» (1958), «История одной судьбы» (1962), «Секретное оружие» (1963), «Ветер над полем» (1968), «Утренние заморозки» (1979), «Двадцатые годы» (1982)

Повести:

«Болтовня» (1929), «Здоровье» (1936), «Зина Дёмина» («Утренняя смена», 1937), «Голубой ангел» (1941), «Букет алых роз» (1958), «Помни обо мне» (1966), «Оперативная карта» (1967), «Январские ночи» (1971), «Приключения майора Пронина» (1941, 1957)

Книги рассказов и очерков:

«Красное и чёрное» (1930), «Путь в завтрашний день» (1931), «Июль в Ойротии» (1933), «Лимонное зерно» (1939), «Поездка в Ереван» (1940)

Книга стихов

«Пятеро на одних коньках» (1927)

Некоторые неопубликованные произведения:

«Повесть об одном коммунисте» (в двух книгах, машинопись, закончена в 1956 году)

«Тайны чёрной магии» (машинопись, из цикла повестей и романов о сыщике Пронине, 1958 год)

«Перелётные птицы» (пьеса)

Содержание:

Вступление.....	3
Сергей Шаповалов – отец писателя	5
Путь писателя	25
<i>Лев Овалов и Орловицина</i>	25
Москва. Начало писательской карьеры	39
Первый советский детектив.	
Лев Овалов – «отец» майора Пронина	37
Арест. Лагерь. Ссылка	44
Личная жизнь писателя Овалова	48
<i>Приложение:</i>	
Семейное древо Льва Овалова (29.08.1905	
– 30.04.1997)	55
«Медная пуговица». Овалов и Хрущёв	59
Судьба писательская	64
Как писатель Овалов своего пропавшего	
брата через 25 лет нашёл	75
Как писатель Овалов место своего рож-	
дения искал	118
Дмитрий Ерохин – отчим писателя	130
Историческая подоплёка «Рассказов май-	
ора Пронина»	139
Село Успенское и Успенская волость в	
романе Льва Овалова «Двадцатые годы»	145
Герои Льва Овалова в романе и в жизни	171
Повесть о сыне генералиссимуса	182

«Отец» майора Пронина

Лев Овалов – поэт	191
Стихи Льва Овалова, написанные им в 60-е и 90-е годы XX века	193
Возвращение майора Пронина	201
«Помни обо мне» (вместо заключения)	214
Основные опубликованные произведения Л.С. Овалова	220

Александр Полынкин

«Отец» майора Пронина

(Лев Овалов и его герои)

Издание второе, дополненное

Технический редактор – С.А. Ветчинников
Дизайн обложки – А.С. Ухин

Фотографии – из семейного архива Шаповаловых, фондов
Государственного объединённого
литературного музея И.С. Тургенева и автора

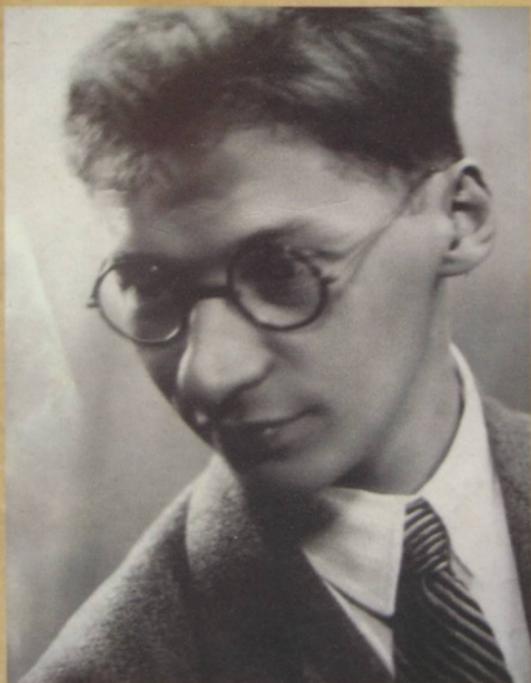
Подписано в печать 10.11.2015 г. Формат 60x80 1/32
Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Romana
Объем 7,0 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 272

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862) 44-51-46.
E-mail: kartush@orel.ru www.kartush-orel.ru

[100-00]

*Лев Сергеевич Овалов
(29.08.1905, Полтава – 30.04.1997, Москва) –
русский писатель, автор детективных произведений
о знаменитом сыщике, майоре Пронине,
автобиографического романа «Двадцатые годы»,
созданного на орловском материале, и ещё более
четырёх десятков прозаических и поэтических
произведений*

ISBN 978-5-9708-0520-6

